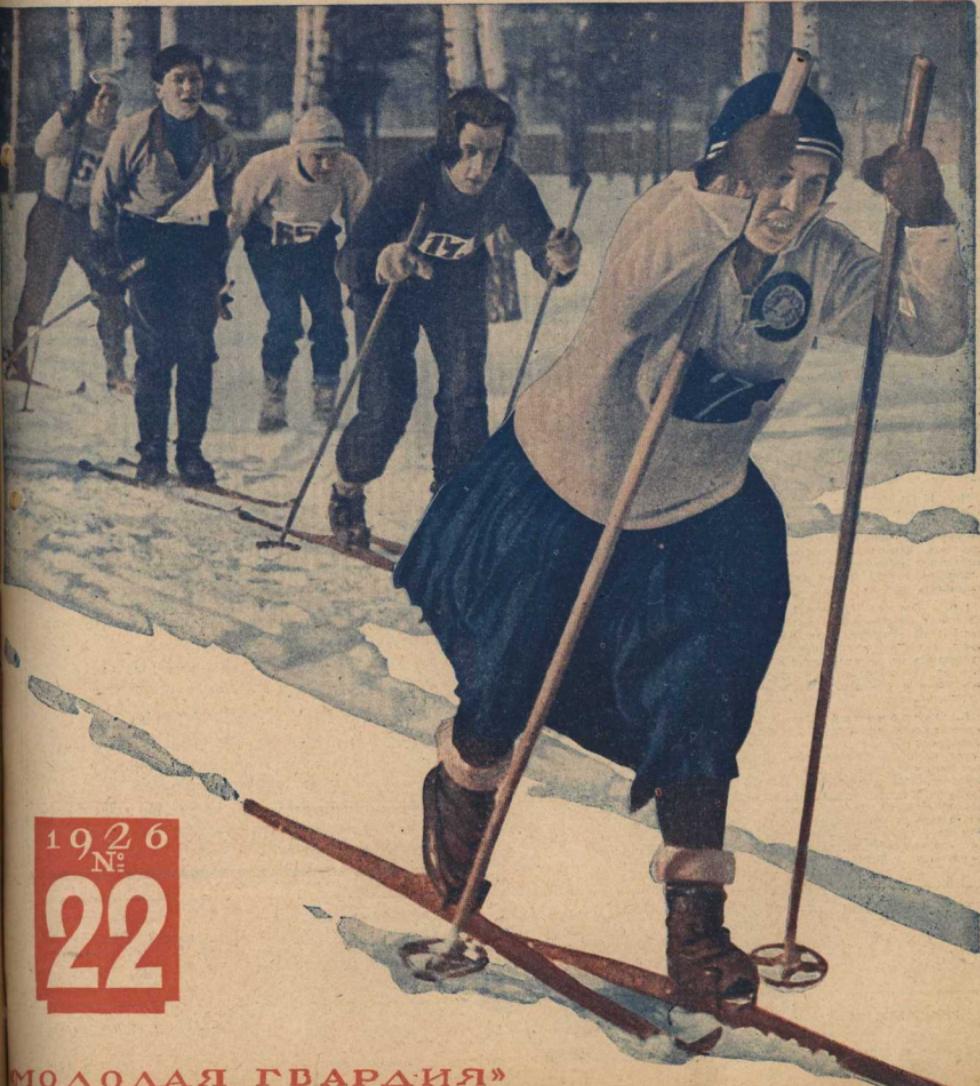

СМЕНА

ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

1926
№
22

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Д. Я. Борисов (Луковщина).—Стихи медитативны по ритму и языку по развитию темы. Темы как-то собираются по кусочкам, из которых не образуется целности. Много использованных образов (месяц—параметр рыхий, хоровод звезды, пурпурный прибой, «злущистая сень зорьы» и пр.). Напечатать не можем.

И. Шелепину (Болгоград).—Стихи наудуманы, породичная доза мимикой поэтическими («приси глаза», «дрожающая высь», «бургундский прибой», «злущистая сень зорьы» и пр.). Напечатать не можем.

Григорий Сила (без адр.).—Напечатано слабо. Не пойдет.

Л. Войнич (без адр.).—Стихи крайне подражательны. Не пойдет.

Л. Черепанову (Свердловск).—Переплагать каждый случай (а их тысячи) в очерк или набросок едва ли целесообразно. Для нас интересен обективный материал, излагающий характерные факты. Ставьте перед редакцией вопросы на интересующие темы, освещайте насущные потребности окружающей вас молодежи.

П. Дьякову (Таганрог).—Ваша корреспонденции газетного характера и в частности для «Смены» темы. Освещайте быт окружающих вас товарищей.

Ф. Малоулину (без адр.).—Печатаемо вскынными «пикантными» цинктиками. Не пойдет.

В. Алокину (Киев).—Стихотворение грубое, никакого отношения к существу поставленного вопроса не имеющее.

А. Неудалому (Воронеж).—Главным вашим недостатком приходится считать небрежность работы. За короткий сравнительно срок вы заставили меня массой стихов и все они написаны в разных слоях между собой, совершенно не обработаны. Это можно заметить, поскольку сравнительно приемлемые строчки перемежаются явно сырьем, одними махом написанными. Вы же работаете о совершенствовании своей работы. Пока ничего напечатать не можем.

И. Кирченко (Киев).—Темы вы взяли грандиозные—это наша революция. При вашем слабом умении совершенно неизбежно получилась замена художественного выражения поставленной темы, рифмованым перечислением событий. Напечатать не можем. Такие вещи следует восстанавливать исторически точно и сообщать в «Комсомолетопись».

Г. Ряхта (Харьков).—Написано с настроением, изобразительность владеете, хотя и владеете в некоторую напыщенность. Напечатать не можем. Такие вещи следуют восстанавливать исторически точно и сообщать в «Комсомолетопись».

Б. Вечтомовой (Пермь).—Удачнее остальных «Гроза». Это стихотворение постараемся напечатать, стихи на общественно-революционные темы у вас также и неограничено. Развитие их как-то затруднено. У вас мыль не облегчается равноценной ей словесной массой: кроме того, стихотворение с эпиграфом из Жарова частью противоречит второму (кстати, заимствовано оно по теме у Безыменского). Прощаю.

берте. Что это за «на окраинах канав» в ст. «Осень»? Работать со-ветует.

Н. Пицциули (Лебедин).—У вас неправильный подход к стихам. Вы думаете, что чем выше пренесены и общее написание, тем будет лучше. В таком случае вы выбрасываете изображение для всякого художника умение наблюдать и оживлять в слове куски действительности и при всем этом получившее художественное декламирование темы. Соглашусь вам взять курс на простоту, но по возможности выразительной ре-чью без искусственного пафоса.

П. М. Власову (Калуга).—Как бы интересна и острая, блеск и пр. и пр. ни была ваша мысль, привнесется с нею не спонсор потуго что у вас не хватает грамотности. Пишите вы неправильным языком. Примеры из первых двух страниц: «в родилья я с своей головы кругу головорот», «его последний голос» и «снова делалась тишина», «на другом боку берега», «вдохващающие мысли», «сфера неба» и мн. др. Неправильный связывает части предложений. Важно совершенно необходимо поупражняться в правильном изложении.

Ему же (о стихах).—Пишите вы крайне слабо. И неправильно употребляете слова, и неправильно соединяете строки, и плохи у вас рифмы и ритм. Несколько примеров: «мески смотрят и сплюнха», «скользу чешую», «глинита (ударение по рифме) крутъ», «перевращали их погоду в ку (пастухов)?», «екриком и приступом?» и мн. др. И даже то, что вы пишите крайне необходимы и чего вы сами хотите—учтись, — и это вы выражаете чрезвычайно искаженно:

«Науку мозгом грьзть.—
А после по бумаге,
Строки певучи лить».

Пока приходится говорить только о необходимости вам учиться.

С. Раздорскому (Владивосток).—Не пойдет.

СТИХИ СЛАБЫ, НАПЕЧАТАТЬ НЕ СМОЖЕМ:

Г. Панютину (Н.-Новгород).—Д. Т. Длугош (Харьков), А. К. Сиротенко (Харьков), А. Н. Никольберту (Полтава), Л. Иванову (Москва), И. О. Сипову (Нижнодома), И. Уткину (Смела), Д. Натали и и. и. и. (Тулун), Ф. Лапину... (фамилии не разобраны) (г. Бирск), Д. Бокину (Саратов), «Уставшему» (ст. Зима), Квадрат-Куб олью (Ростов н/Дону), Н. Киселеву (Ленинград), К. Байдакову (Рязань), К. Родимову (без адреса), Ю. Мишакову (Ульяновск), С. Яльт (без адреса).

ОТВЕЧЕНО ПЫСЬМАМИ:

С. Леонову (Хабаровск), Ю. Уфимцеву (Бирск), А. Н. Коврижкину (Владивосток), Р. Садниковой (Кронштадт), И. Зайцеву (Ленинград).

Иллюстрации художников: В. Ефанова, П. Староносова и др.

Фотографии: РУСФОТО, РОМАНОВА и др.

НОВЫЕ КНИГИ

ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

1. ГОСИЗДАТ

Русская литература:
Д. М. Фурманов. Собр. соч.
Т. И. Чапаев. Собр. 372, ч. 2 р.
Его же. Собр. сочин. Т. П. Мягтеж. Стр. 469, ч. 2 р.
М. Е. Салтыков-Щедрин. История одного города. Стр. 279, ч. 2 р. 50 к.
Н. Платонович. Путы (повесть). Стр. 144, ч. 80 к.
А. Демидов. Детство Ваньки (повесть).

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Р. Эдеман. Местечковые рассказы. Перевод с немецкого. Стр. 63, ч. 10 к.
Жюль Валлес. Лондонская улица (аписки парижского коммунара). Стр. 227, ч. 1 р. 30 к.
Ф. Дюшен. Тамада (роман). Ун. Б-ка. Стр. 267, ч. 50 к.
Катерин Мэйер菲尔д. Брак. Перев. с англ. (рассказы). Стр. 65, ч. 10 к.
В. Фриче. Западно-европейская литература XX века. Ч. 1 р. 60 к.

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ:

В. Молотов. На партию. Стр. 32, ч. 5 к.
Н. А. Углов. Очередные задачи Моск. Парти. Организации. Стр. 15, ч. 6 к.

О КОМСОМОЛЕ:

Н. Бухарин. О работе комсомола (доклад на XIV съезде). Стр. 48, ч. 15 к.

Журнал «Смена» на 1927 год удешевлен

Открыто подпись

1 месяц	руб. 35 коп.
3	1 -
6	1 - 90
12	3 - 60

Подписчик «Смены» может получить по значительно удешевленной цене приложения:

1) «Товарищ»—Спутник комсомольца—записная книжка с справочником в переплете 60 коп. вместо 1 руб. в продаже.

2) Кальпур. В.—«Физкультура для всех» Цена 50 коп. вместо 85 коп. в продаже.

ПОДПИСАТЬСЯ МОЖНО

В Москве: В га. конторе (Новая пл., 6), во всех почт. отделениях, у всех почтальонов, у всех уполномоч. «Рабочей Москвы».

В провинции: в отделениях из-за «Молодая Гвардия» в отделениях цент. газет, во всех почтовых отделениях СССР.

СОДЕРЖАНИЕ: И. ЕВДОКИМОВ—«Голова». Б. СЕРГЕЕВА—«Чужая». Н. ОГНЕВ—«В пасти Серого волка»—XV Всесоюзная Конференция ВКП (б). Д-р Е. СОЧЕНКО—«Наркотики, болезненность, преступность». М. СТАРОВ—«На Амуре». Э. НОРОВ—«О героях финики». П. ПОЛАТИН—«Мертвые на смену живым». Р. РОМАН—«Половой вопрос». (Подзаголовник). Почтовый ящик. Иллюстрации художников: В. Ефанова, П. Староносова и др.

РЕДКОЛЛЕГИЯ | П. Бляхин, Л. Колесников,

А. Косарев, Г. Никуфоров, С. Оччинников.

Отв. редактор Л. КОЛЕСНИКОВ

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, угол Черкасского переулка, д. № 6/8. Тел. 1-89-13.

Рукописи принимаются, написанные на машине или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ИЗДАНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛИНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

из-под молчаливой глади.

НОЯБРЬ

ИВАН ЕВДОКИМОВ. Рисунки Б. Л.

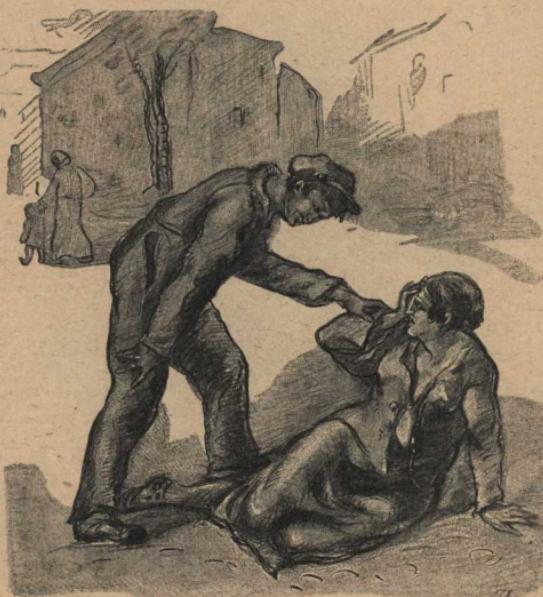
В ображках, на площади свалилась молодая женщина. Распалило ли ее в этот день кляйкое жаром солнце, посколькунулась ли она неловко, захворала из нежданного недугом? Женщина была жива, она дышала, вздрогивала ноздрями и стонала. Собрался народ, постояли, поглядели, покажали... Женщина тяжко приподнялась, помогли ей сесть. И начали расходиться...

А я задержался. Не потому задержался, что был жальчике других к чужому горю, много раз уходил и я, кинув мельком глаза на бульварник, на лежавшего в забытьи человека, задавленного трамваем, конкой или раненного в драке и затихшего на своей крови, как на кумачевой подстилке. Я взгляделся в отходившее от смертной желтизны лицо молодой женщины, на-пряг свою память и — вспомнил. Я знал ее. Семь лет назад укрывались мы вместе от белых в одном южном городке, поджидали красных, — и даже дружили. Но как неизвестно изменилась она! Была она тогда совсем юна и красноречива. Да, да; это была Волкова. Я вспомнил тут же, какой у нее был маленький, застенчивый муж. Мы еще посмеивались над ними, вместо того, чтобы негодовать, когда они приходили, держась за руки, на тайные собрания в подвал и всегда сидели где-нибудь, сблизив свои кудрявые головы: он темные кудри, она — как сырья пряжа. В мирные дни, покуда город был наш, идешь и видишь: сидит Лиза на улице на тумбочке или в прихожей какого-либо советского учреждения, улыбаешься внутрь себя — значит Волков тут. А сам он где-либо бродит без дела — значит ждет Лизу. Неподступные друг для друга люди!

Захватили город налетом белые и засели. Которых из нас перебили, которые успели уйти, которые опустились, будто в глубокий колодец, в подполье, чая вылезти оттуда, когда понадобиться. Были мы так с месяцем. Вызвался Волков пробраться с поручением в наш штаб. Опасались за него: обложили чугустую

белые и тропки и дороги за городом, словно в цепи лежали. Шатались далеко белые по деревням, завоевывали заново отнятые у помещиков наши имения, мельницы, конные и сахарные заводы. Дёбра шла в деревнях, лихомство, порча баб, пьянка.

Кудрявый паренек пошел, пошла, конечно, и она. Пропали. Белым скончено вбили наши в поясницу клин, убрались они со своими похлестками дальше. Мы, ясно, за ними... Не до Волковых: где они, да как они? Семь лет и не видались. А увиделись — долго распознавали друг друга: я, наклонясь к ее исхудавшей

— Лиза Волкова — крикнула я обрадованный встречей. — Милая, что с тобой?

щему, будто с другой кожей, лицу, а она, сидя на серых пыльных каменях посреди пустой, измученной солнцем, площади.

— Лиза! Лиза Волкова! — крикнул я, обрадованный встречей. — Милая, что с тобой?

Я поставил ее на ноги, отряхнул кофтычику, она опамятовалась, схватила меня за пальцы, я видел, как в ее глазах загоралась:

релись слезы. Повел я ее под руку через площадь. Дошли мы до ее квартиры. Вошли в комнатушку: лежит в уголку на детской кроватке большой ребенок.

— Скарлатина у него, — сказала Лиза. Были у меня свои ребяташки. Напугалась я втайне за них, но промолчал и сдержался перед товарищем, явно собой не владевшим.

Провел я у нее памятный денек. Понял я и худобу ее, и отлившую краску с лица, и глаза, замученные, как у надворавшейся с возом ладьи; понял я, отчего так в теснью непроницаемую клетку иссеклась белая кожа на лбу, а поперек залегли тугие морщины, и нос заострился, будто его очкини ножичком и перетянули на горбинку. Узнал я про нее все.

Шли они ночь полями, по бороздам, отсидали день в пшенице, поспали, вечером тронулись дальше. Маленькие, наклоняются и идут. Миновали уйму всякой белой солдатии. На свету прошли вдруг маленьку речку, в тумане — к другому полу, что забечь на день, и наткнулись сначала на коней. Те заржали. К ним подбежали пятеро казаков.

— А! Я это знаю! — крикнул один казак, кинясь к Волкову.

Чорт его знает, почему он так закричал! Конечно, он его не знал. Волков погорячился, выдернул из кармана браунинг, а выстрелил и не успел. Повалили Волкова, побили, поволочили по земле, нащапались у них веревка — связали. Не делали никакого допроса. Четверо казаков возились с Волковым, а пятый казак держал Лизу в обхватке. Что может сделать маленькая женщина с большим и крепким, как камень, музиком!

Туман поблескнул к земле в лощине, увидела Лиза у полос костер и котелок на нем с белой пеной. Казаки варили себе какое-то варено, оно вскипело и теперь уходило. Таша ее за руку, казак снял, обжигая руки, котелок и выругалась:

— Суки, пиши из-за вас чуть не спортили!

Продавщики всех стран, соединяйтесь!

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД.

На 1 год — 24 nom.	4 руб.	10 коп.
• 6 мес. •	20	•
• 3 мес. •	1	• 15 •
• 1 мес. •	40	•
Отдельный №	25	•

Подпись принимает образ Периодических Изданий Из-за "Молода Гвардия".
Москва, новая площадь, д. № 6/8.

1926 г.

Положили недалеко от огня Волкова, подвели ближе коней, поглядели на Лизу насторожившись, вложили ей один казак кудри и ушипнули за грудь. Постарше казак раздроженно проговорил своему товарищу:

— Чево дураком стоишь около, вяжи ее!

Казак огляделся кругом. Сняли с коня узду и на снах связали Лицу ноги. Может, обсошлось бы и так. Казаки были трезвы, молодые и мало злобивы. А Волкова несла горячка на вороных. Он, как увидел казацкую шутку с Лизинными кудрями, завертелся на земле, закричал без памяти, поносил казаков бранными словами, грозил, стращал... Лиза делала тоже всегда, что делал он. Волков делал то, что делала она. Лиза тидела у костра со связанными ногами, рвала узду и кидала в казаков обидные бабы несуразности.

Те сначала ухоятась на ненужную смешную брань товарищей, а потом надоели, они переглянулись, помрачились, хлебнули по ложкам из котелка и зашептались. Вскочил, постарше казак, пнул сапогом в лицо Волкова, обливая его кровью, и зло сказал:

— Будет разговоров! Вали ее, ребята!

Лиза поняла. И не успела подать голос—ее опрокинули...

— Некстати узду завязали, — забормотал казак и больно рванул уздечку с ног.

Лиза, когда открыла глаза, видела—лежа на том же месте, плакал наизрьд Волков. Казаки суетились нальвали в железную кружку из большой бахчанской водки, плескали ее в дрожавших руках, и опрокидывали духом, будто туша воды поднимавшаяся жажду. Они не глядели на Лизу, отвертывались. Платынько на ней было одернуто. Лиза поползла к мужу... Но не доползла. Казаки срыгнули... Один взмахнул над ней нагайкой... Лиза пригнулась к земле, прикурунула запутанную на груди... Навалившись ей на плечи, еще пуще прижал ее к казакам... Другие вдернули на ноги Волкова.

Лиза едва раскрыла глаза, как сверкнула серебряной рыбой шашка, проскочила будто через шею мужа и помазала хвостом его по плечам... Он только обрушился, как эта маленькая женщина скинула с себя казака, протянула руки и не могла больше переступить на месте, вальяясь... Казаки осатанели. Один пнул к ней голову мужа и взвыл обезумевшим голосом:

— На-а, подержать!

Красная кладь докатилась. Лиза схватила голову—больше ничего не помнила. Проснулась она, все было пустро и тихо на лужайке... Пекло солнце, по телу мужа ходили вороны, голова маленькая, сморщенная, покерневшая ввалилась в ногах...

Она помешалась. Потом через год она припомнила, как она тогда встала, не узнала Волкова, забыла обо всем.

Просто встала, оправилась ишла. Пришла в деревню. Ее спрашивают, а она ведет в поле и показывает на мужа:

— Казаки человека убили...

Лизу пожалели в деревне, отвезли в какой-то городишко и тут она снова ничего не помнила до родов. Очнулась она в родильных муках. Родился мальчик, который лежал теперь в скяратине. Лиза не знала чей это ребенок: его или казаков? Я невольно взглянул на дремавшего мальчика: он походил на нее, будто повторяя и эти волосы в кудрях, и кругленькое лицо, худое и печальное, и этот маленький нос торопником с горбинкой, и это пухло открытым рот.

Дальше Лиза кое-как перебивалась с ребенком. Работать она не могла. Находило на нее легкое изнеможение, би-

Лиза схватила голову и больше ничего не помнила... .

лось, сердце, валилась она, где шла, отлевалась; так повторялось раз, два, а потом ее безумную отвозили в больницу на год на полтора.

В ужасе она шептала мне:

— На меня опять надвигается: сегодня был первый обмарок!

Я никогда в жизни не чувствовал себя так горько, как в этот неожиданный день. Лучше бы его не было.

Приди в себя, Лиза помнила только своего ребенка. Мальчик приютил брат—железнодорожник-телефрафист. Был у нее еще параллический отец—железнодорожный техник. Лежал он у старшей своей дочери, многосемейной ницей, десяти лет и молил смерти. Так она и прожила от этой встречи со мной. Она рассказывала, а я думал: что же партия? Но разве партия может сосчитать все свои жертвы? Нет, не может. И Лиза никому не сказала о себе.

Я оставил ее у больного мальчика со стиснутыми и пенившими слону ту-бами.

Через неделю я зашел к ней. Встретил мэра брат ее и провел в пустую из-нату, где я был в первый раз.

— Как?—спросил я.—В больнице? А мальчик где?

Брат мне ответил угрюмо и жадно:

— Лиза больше нет на свете. Третьего дня мы ее похоронили. Одна смрть другой. Несколько дней раньше умер от скяратини ее Петюшка. Петя убралась она. Вынырнула из окна.

Брат промолчал и тихо добавил:

— Судно было с пробоиной... И больше нет ничего. Не знаю, как и откуда написать!

Я молча постоял, словно передумав всю ее жизнь сразу и свою заодно, перевесил у меня в голове, и я посоветовал брату отчаяния и плаクиско:

— А вы не пишите!.. О чем тут писать?

Я ушел. Вскоре заболели скяратиной мои ребяташи. То ли я привнес от Лизы заряд, то ли кто другой, то ли сами поддали, бегаючи,—не знаю. Смерть и ко мне поступалась как-то новая: унесла одного сына. Но не осужу парниша, скажи от страшной этой встречи и в мою семью заглянула печаль.

О С Е Б Е

Приходилось
И трудо и солено,
А подумалось верно тебе,
Что бродил
По откосам за селами
И следил, как закат голубел.
Было горечи много,
С излишком,
Наливалась память свинцом,
Я себя
Вспоминаю мальчишкой,
Я себя
Вспоминаю юнцом.
Была кровь не покорная в голову,
Вижу дальше,
Вижу ясней—
Встали комнаты, мерзлые, голые,
Мутят белая голь полей.
Каждый кус
После схватки жестокой,
Униженья ли,
Злобы ли боль...
Потому ли покрылся до срока
Пеплом холода взгляд голубой.
Разве старое
Стонет ворочаст,
Сколько да бы
За радость,
За пыль...
Я об образе уже не забочусь,
И о рифме заботы забыл.
Ах, как заманна слова.
На искушение—
Мне ли прав?
Только тот,
Кто в тяжелых подвалах
Кренко в эти запомнил слова!
Пусть для тех,
В ком узнал я брата,
У которых нужда за плечом,
Эта песня станет крылатой,
Станет звонко поющим лучом.
Потому что
Я тоже знаю
Тяжкость будней
И жажду степей...
Так помышль ли теперь, дорогая,
Дорогая,
Почему ли теперь—
Что мне стоят
Песни веселые
И легко ль
Достаются они,
Если было и горяко и солено,
Если были суровые дни.

Борис Соловьев

Ч У Ж А Я

Е. СЕРГЕЕВА. Рисунки В. ЕФАНОВА

На это тоже как посмотреть? Понятно, кто рабочий, но об этом знает кто?—он один.

Может, и вправду рабочий, а значит это не имеет никакого.

А вот мать — что толстой жабой на базаре по утрам с жареной печенкой и рыбой, а вечерами у кино «Красный Глаз» с пыльными маковками, карамелью и китайскими орешками с перекуском,—знают все.

Идеологическая установка этой особы давно определено выяснилась.

И потому «опрокинуть», будто нечаянно, лоток с маковками, насыпать на скамью мильшотку, прорезать мешок с сечевыми, плеснуть мимоходом, высморкаться или округом бросить в жареную печенку,—для братвы комсомольской почты и парубьев по линии борьбы с классовыми врагами.

Война велася яростная, беспощадная, до штыковых атак.

Жабы глаза наливались кровью, весь механизм,—а жаба управляла механизмом: когда открывался рот, кузнецкий мехом отвечал живот,—весь механизм приходил в движение и работал с максимальной нагрузкой.

И вдруг, пожалуйте,—жабина дочки—Варыка, проснется в комсомол, и в антеле: отец—рабочий. Да кто его видел, где?

И не было бы, может, шузы,—смех один,—если бы не Лиза Кравкова.

Кравкова—активистка, зам. секретаря, постолинный председатель собраний... По всему видно, ее головы затея, ее рук страшны, а за свою затею—ем поперек.

Сначала жалобами рассказали пронимала из Вариной беспросветной жизни. Оказывается, живут по соседству.

Потом агитсловами, тугими, жетками, как пуря, проакапала враждебно взерошенное сокровище.

Сошлись на компромиссном—принять с двухходничным стажем, как элемент.

Варе было обидно.

Сидела под недружелюбными колючками глаз, хотелось истать и крикнуть: «Ну, и не надо, не принимайте!»,—но мешал твердый ком в горле. Знала, сорвется голос плачем.

А не хотела плакать, если вот так, как чужую, в ножки взяли.

Бывает так: примут «элемента», а через неделю—две та-тая паря окажется—своих леситок отдаша.

Нет счастья с Варей.

А вся беда в том—до чрезвычайности на поляхожа: глаза, нос, рост и даже голос,—по-положительно нет никакой возможности забыть на минуту, что Варя—жабина дочь.

Потому всегда Варе со злорадством—жабиной отродьем:

— Опять твоя мать с тухой печенкой засыпалась—мильшотка застукала. И так это, будто Варе по глазам... И оттого вскипала ответно:

— Неправда, время, печенка свежая была, я утром видела...

Получалась нехорошо...

— А, застиаешь... яблочко от яблони... Тоже, в комсомол виятилась...

Плакала Варя от обиды, от невозможности разрушить стену, что отделяла ее от товарищей.

Жаловалась Лизе.

Лиза советовала кратко, сочино, но непразднительно;

— Плюнь, разотри... возьмись за работу...

А в работу не пускали. Даже от переписи городской оттерли:

— Своим ребятам заработать надо дать, тебя мать печенкой прокормит.

Печенка, печенка... далась им эта печенка...

А дома было так.

Мать—толстая и душная, от нее тесно в комнате и кажется, дышит она не грудью, как все, а большим кузнецким межом, что вздыхает большое брюхо.

Мать—жарила печенку и рыбу на газетке на щепах, месила с медом мак,

А вот мать—что толстой жабой на базаре то утром с жареной печенкой и рыбой...

сущила липкие маковки на противне в печи на легком духу.

Раньше Варя чистила рыбку, следила за маковками, теперь отказалась на отрез:

— Бросьте, маменька, это занятие, мне из-за вас проходу не дают.

Яростно вздувался кузнецкий мех, в нем глухо склокотала и, наконец, падала тяжелая угроза:

— А... вот ты... как... Ну, подожди... хорошо, хорошо!..

Но было не хорошо: мать была страшная, сердце скатывалось низко, и оживало недавнее, детское бессилие—судороги в цепких лапах, голова, втиснутая в мягкий живот, и оголенная, вспаренная ударами заднююшка...

Лучше было, когда разговор принял другой оборот:

— Бросить? А кормить будет кто?—он—жесть в сторону дымного облака:

Там, за облаком, жил он, т.-е. жабин законный муж и, стало быть, Варин отец—рабочий—кровельщик.

Дома он бывал редко; приходил пьяный, но тихий, и, живя в той же комнате, устроился независимо обособленно.

Приходил и тотчас же ложился на кровать, долго и настойчиво куря крученки из махорки, отторгаясь от окружающих плотной сизой запахом, и там затахал. Когда разувалась, остро пахло мокрыми портняжками.

Этим определялось присутствие хозяина и его вмешательство в общую жизнь семьи. Разговаривал он редко, но улыбался как-то очень значительно, будто раз навсегда утвердился на какой-то, ему одному известной и правильной, точке и познал тщету празднодения.

Жаба выражалась так:

— Пыльным мешком из-за угла хвачен. Раньше добивалась толку, сердце изорвала, язык оболтала,—плонула: лежи, дмы, кабацкая затычка. Хорошо еще, что денег не просит, на свои пьянствует. На него и голос-то тряпить жалко.

Выразительная мимика дополнила всю полноту презрения к заоблачному сожителю.

Но был Нил Никандорыч. Он торговал «краковской»—тугими красными кольцами колбас, с желтым недоброкачественным шпеком, вздувшимися желтыми гнойниками на гладкой поверхности тугих колбас.

Неоднократно подвергался штрафу, но качества не улучшал.

Был он чуть тронут вчерашней книжностью, любил изречения из «Соломона» и сытинского календаря; жабу поначалу называл «комрад».

Однако, непонятностью слова не мешал смущал женщину, и однажды, рассердившись, напомнила она Нилу Никандорычу, что в связи с крещением ей дана им в честь Прасковьи мученицы, а по отчеству величается она с давних пор — Парамоновой, и очень обидно ей иметь кличку и даже от солидного человека она этого никак не ожидала.

Нил протестовал и доказывал высокий смысл обращения комрад; укорял Парамоновну необразованностью. Парамоновну

новна же резонов не принимала—этого, мол, никто, кроме вас, Нил Никанорыч, не знает, и я не знаю и знать не желаю, а может вы обидеть меня хотите,—слово это нехорошее и очень похоже на коно-крад.

Лицо у Нила было широкое, в профиль совершилось бензосное—нос бледнело пропадал в буйных зарослях бак и бороды.

Борода эта была гордостью, опорой самоуважения и уважения окружающих. Была она когда-то огненно-рыжей, теперь дернулась сединой—мочально-желтая, но все же пышная, кудрявая, великолепная.

Он был медлителен и благообразен в речи, в движениях, но, если взглянуться, за всем степенством и медлительностью можно было заметить торопливые, цепкие движения толстых, узловатых пальцев и неугомонный бег маленьких глазышат.

Нил Никанорыч приходил часто. Был он доверен и жил, как говорится, чисто с одной.

Долго пили чай, молча, серьезно, старательно отдуваясь, обливаясь потом, страдальчески прикрывая глаза, словно нужно, обязательно нужно было согнать вот эти положенные десять потов, оттерься платком и тогда уж отвалиться со вздохом облегчения:

— Ну,кажись, довольно.

Тогда начинались разговоры. И часто разогранным, распаренным от чайтия голосом говорил Нил Никанорыч, всхлипывая мышатами-глазками в дымное облако:

— Соединить бы нам, Прасковья Парамонова, два предприятия воедино, так, чтобы, значит, под одной фирмой.

И всегда болезненно скималось Варино сердце—слышит отец или не слышит?

Никанорыч засиживался долго, оставался ночевать. Варю отсыпало спать в чулан.

За эти ночевки росла глухая ненависть к матери. После дня два дерзила ей.

Как-то раз сказала:

— Мне на вас даже смотреть противно. Постыдились бы отца-то...

Мать избила козлами от лотка в синяки, в кровь...

Два дня прожила у соседей, там сблизилась с Лизой Кравковой и там, у Лизы, открылись какие-то новые возможности—комсомол.

Удивительно—мать не противилась, даже козырала иногда—у меня doch' комсомолка. И это было нестерпимо.

Особенно, когда кричала об этом на рынке в схватке с комсомольцами, выдвигала, как щит: doch'—комсомолка.

Сказал как-то Петя Лукин:

— Жаба скоро красный флаг у лотка выкинет, и весь базар сегодня хвасталась: я, мол, такая-то и сякая, трудящийся человек и doch' у меня в Юрмосе числился.

И вышло не так, как думала—в комсомол уйти и все домашнее—как хвост отрубить—хвост тунулся следом, не давал о себе забыть.

Горечь оседала в душе и, невысказана, жила и мучила.

А тут еще Лизу Кравкову откомандировали в дальний угол уезда волонтером.

Случилось это так.

Далекое и безучастное зимнее солнце вдруг словно спахвилило, вспомнило о земле, наклонилось низко, как нежная мать над колыбелью, жарко дыхнуло в самое лицо, стало заботливым, внимательным и ласковым.

Начисто вымыло зимние стекла, заглянуло в каждое окно желтым, пухлым теплом, как пирог, лучом, согнало с крыши снег и сосульки, во все углы и закоулки заглянуло заботливым хозяйствским глазом, и в два дня неизвестно как изменилсялик земли—не было рыхлых сугробов, тухих снежных гор, аршинных горбатых сосулей.

Оттали тонкие веточки, налились и лопнули тутие почки.

Варе отсыпалась семнадцатая весна.

И от непонятной причины—от солнышка ли, от ветерка теплого, ласкового, от аромата ли липких почек—проступил на Вариних щеках такой нежный румянце, тугой кровью налившись и расцвели губы и по-новому, по-непонятному зажглись глаза.

И вся Варя стала непонятная сама себе: то вдруг весело так, радостно, аж дух захватит, бес всякой к тому причины, то—грустно, тоскливо так и плакать хочется.

Варе непонятно, а вот Нилу Никанорычу—понятно.

Ушипнул Варю за твердое плечо, выпустил на минутку мышки-глазки, те зубками мелкими, острынками пощипали и скрылись в волосатом благообразном густых бровей и бак.

— Если яблоко созрело, его тут же надо снять, а то червь клюнет... Что думаешь об этом, Прасковья Парамонова, долго ли до греха в комсомоле этом... Гляди, зачервает, а жаль,—налил первый сорт... Не прозевать бы...
—

Мать, недовольная заигрыванием Нила Никанорыча, буркнула неопределенное.

А Нил наставлял:

— Понятно, если по новым правам, то все равно, но, полагаю, для своей Варвары ты не о том думала, а для солидного человека, при девке должен быть свой цельный, нетронутый капитал... Узловатые растопыренные пальцы двигались и говорили что-то такое, от чего Варе стало стыдно и гадко.

Крикнула Нилу Никанорычу:

— Что вы обо мне, как о лодши! каков вам дама делю!

И мать застукалась:

— Чтой-ты, Нил Никанорыч, в са мом деле девчонке голову задуришь, забиваешь чем не следует?

Ревнивое, злое чувство беспокойством напинали тучное тело, по комате бе-

сталково, ненужно сутилась в невероятных движениях и только успокаивалась, когда ушла Варя, и Нил потихоньку отошел, к чему речь клонил.

— Женишок есть... еврейской наци, но может крещене принять,—для них это вопрос не составляет, но в смысле супружеской верности и домовладельческой отменяя, этого отнять нельзя, жи и жи. И гроши на чефный день прасены. Валютой ш боко торгал в 23-м, да и теперь потихоньку промышляет. О Вараре был разговор... просил подействовать. Нравится девчонка. Я, говорят, в ее комсомольство не верю, что так, вроде забавы несерезной, у этой девушки совсем другая линия должна быть... И это точно, другая линия у Вары должна быть... И ван укор скажу—попустительствуе напрасно с комсомолом-то...

О Кольке Власове еще Лиза Кравкина говорила:

— Всем нутром чувствую, что мерзец, давно бы вычистить пора, а вот не ухватишь, нет такого повода.

Был он высок, костляв, веснушчатый белоглаз. Особенно нехорошо—взглядом смеялся, показывая гнилые зубы. Девчонат говорил двусмысленности, затевал византию, бородой, ломал, выручивал руки, стараясь прижать к синякам, взлянико, взглянико смеялся при этом.

Про него говорили много нехорошего. Варя его сторонилась, предупрежденная Лизой. А он часто нагло в лицо смотрел на Варю, и всякий раз у Вары было такое ощущение, словно на лице оставались грязные пятна, хотелось сейчас же умыться.

Прошуя белыми глазами Варину розовую щеку,—в цвету девчонки.

Подошел вплотную:

— Тебя можно поздравить.
— С чем?

— С половой зрелостью и вообще с расцветом,—заязжал, задергался, из длинный глисс.

Хочешь... со мной любовь накручивать?

Варя поглядела строго:

— Ну, и что же?

Толка нагнулась в полуспопоте:

— Хочешь... со мной любовь накрутить?

— Нет, не хочу...

Запяяничкал:

— Извиняюсь, барышня... побеспокояла, — и потом с особенным шипом и пурпурными слонами в углах губ: — мешанка!

И на другой день и на третий слышала Варя Колькино шипение: мешанка.

И даже на собрании выступал и скополь о мещанстве и о «Вареньках» в комсомоле...

Только хихикнул, словно, мол, и говорить об этом не стоит, само собой ясно.

Председатель позвонил, призвал Варю к портфлю.

После подошла к Власову:

— Почему мешанка, нельзя же так, обижен?

— А потому, что жизни по-новому притирать не можешь, с девственностью ношись... капитал в приданое бережешь для венчанного, небось, венчаться будешь?

Подмыло вдруг:

— Ты вот о «капитале» так же смашишь, как колбасник Нил Никанорич, он-то горбовец, а ты — комсомолец. Стильно!

— То-то, вот и колбасник! О том и речь, что с колбасниками да с печеничниками, — вот твоя среда, а среда, знаешь, азбуку-то, определяет сознание... Так-то счастье, барышня, — выпустила плотный, круглый плевок сквозь гниушки и пошла.

У Арончика в глазах верный прицел, без этого коммерческому человеку никак нельзя, а валиччику даже не вприскер прощим, так, чтобы без промаха из пестрой толпы прицепиться и выбить его самого, что нужен, и ему в ухолисто есть, доллары, стерлинги, иностранные валюты.

В Варе привелися и вдруг сник: понял, — не сделает дельца.

И потому ею живость и словоохотливость, что мелким кедровым орешком рассказывал перед Прасковьей Парамоновой и Нилом, мгновенно растеряли, не знал, как быть, даже руку боялся прятнуть, поклонился молча.

Праскова приступила сразу:

— Вот что, Варвара, будет комсомольская я. Я не против, отчего, а всему бывает конец. Побаловалась — и довольно, а воля девичья ни век, не года — считанные делишки. Вот видишь, Арон Соловьевич хороший человек, с капиталом, нежить, любить будет — честь делает, сватается.

Варя повела плечом и сказала спокойно:

— Вы напрасно об этом, мама, беспокоитесь. Это дело мое, не ваше. Выбросите из головы сватать, замуж выдавать. Сама выйду, когда захочу.

Глубоко дыхнул, во всю ширь взмахнул, кузнецкий мех и выдохнул:

— Слышили, слыхали, нынче как... с матерью говорят... И после передышки чистой дроби:

— Да ты на моей шее сидишь аль нет?! Не мое дело, — чье же, чье же, спрашиваю, пьянчужкино отродье?

В частой дроби, в густой завесе браны как-то незаметно исчез и стала Арончик, и, когда это заметила Прасковья, надвинулась, нависла вплотную тяжелым телом, в самое лицо сыпала брызги слюней:

— Выгоню вон, пусть комсомол корчит!

А не побила — боялась, чувствовала, что в Варе какая-то новая созрела сила и о ней расшиблась бессильной бранью.

В тот же вечер писала Варя Лизе письмо, жаловалась — ушла бы хоть сейчас, если бы комсомол пошел на выстрем, работу хоть какую-нибудь грошовую найти.

А в комсомоле было так: узнали, сватался к Варье вальяжник Арончик.

Колька Власов повествовал о событиях в лицах и сочных красках... и комментировал:

Иначе и быть не могло, я всегда знал, что этим кончится, — как волка ни корми, он все в лесглядит. Среда, среда — это все... И я удивлялся Кравковой... А в слони распустили...

Варя шла и думала:

— Расскажу ребятам все начистоту. К чорту самолюбие. Попрошу, буду униженно просить о работе, может, ком-

Что вы обо мне, как о лошади, какое вам до меня дело?

Варя чувствовала, что вот-вот заплачет, вспомнила, что хотела сказать, когда ушла, но при таком отношении — ни за что, ни за что...

Повернулась и вышла.

Перед глазами плыл туман, ноги дрожали, делали неверные шаги. И как-то вдруг пришла мысль — ясная и простая:

— Сейчас же к Лизе. Она одна поможет...

Забежала домой, связала узелок — белье, мыло, гребенку.

Написала письмо секретарю ячейки, чтобы прочел всем — об всем том, что сказать не сумела.

Поле взрыхленное таило семя, в затяжии своем умиротворенное.

Над редкими квадратиками взошедшего зелени клубился пар, словно от тельца новорожденного.

Варя вздохнула всей грудью — тихо и радостно стало на душе, таяла горечь обиды.

— Эй, девка, далеко ль печатаешь?

— В Кривеньково, девушка.

— Садись, подвезу, таможни на твоё счастье.

Села, свесила с телеги ноги.

— Ты к родственникам аль так, сама по себе?

— К Кравковой Лизе, волонтером работает, знает?

Помолчал, пожевал губами, чмокнул:

— Но, раскаркая... — Вычистил нос...

— Знаю, как не знать — баф взбалмутила по всей волости... Толк в этом чутъ...

И, обернувшись, прощупал глазом:

— ... Ты что ж... к ней... на помогу... а?

— Да... т-е... нет... Я еще сама не знаю...

Старин закрутил головой:

— То-то вот... не знаю... завиляла... не знаю... Известно, у кого на возу сижу, тому и песню пою... Сиди уж, коль посадил, ладно... Шляетесь без всяких сропотов, о самую рабочую пору...

Дед ворчал долго, то тихо в бороду, то погромче в лошадиный хвост...

Спеши ВОЗБНОВИТЬ ПОДПИСКУ

на 1927 год

Подписные цены:

1 месяц.	—	—	р. 35 к.
3 »	—	1 р. —	к.
6 »	—	1 р. 90 к.	
9 »	—	2 р. 80 к.	
12 »	—	3 р. 60 к.	

нату какую-нибудь хоть бы временно при клубе, я бы пол мела, мыла бы, пыль всюду убирала, в уборщицы бы пошла.

Варю встретили частью молчаливо, недоверчиво, частью откровенно насмешливо.

Колька дергался, паясничал:

— Дозвольте шафером присутствовать при... бра-ко-ко-со-со... четани... Виноват, прежде поздравить. Ребята, тушь туши!

Варю бросило в жар:

— Ложь, ложь...

— Что — ложь?

— Что я за испачка выхожу, неправда это.

Колька прищурил белый глаз:

— А разве кто сказал? А, вот и попалась. Значит, есть.

Остальные молчали, склонные поверить Кольке.

В ПАСТИ СЕРОГО ВОЛКА

Ангурская повесть—Н. ОГНЕВ. Рисунки П. СТАРОНОСОВА

(Окончание)¹

Канцелярист, сидевший в первой из комнат, спросил вежливо незнакомца, что ему надо.

— Я хочу записаться в партию «Зеленого Яблока»,—ответил посетитель.—И я могу за- платить членский взнос. Вот.

И посетитель выложил из кармана деньги. — Кадык Раххид,—позвал канцелярист, здесь человек хочет записаться в партию.

— Раххид вышел в приемную, нехотя расставшись с кальяном, и поэтому вид у бывшего муллы был недовольный и неприветливый.

— А почему ты такой обворваный?—спросил Раххид у посетителя.

— А разве у вас присыпают только богатых

людей? Невинно удивился тот.—Правда, я белен, но у меня каша маши, достаточно шир, чтобы угостить кофе или даже африкун (опиум) тех, кто вежливо (со мной) обойдется.

— Гм, в таком случае... ты принят в партию «Зеленого Яблока»,—торжественно произнесла Орган,—загребая денежки со стола.—Ты можешь считать себя полноправным, официальным членом партии, в ближайшее время издательство, ты не подвергшись преследованию правительства.

— Какие же мои обязанности?—спросил посетитель.

— Первого числа каждого месяца приходи на собрание, аккуратно плати членский взнос и оказывай уважение старшим по партии.

В остальные ты свободен поступать, как заблагорассудится.

Так скажи мне, о, старший по партии, в чем может заключаться уважение, которое я должен тебеоказать?

— Каждую субботу я бываю в кафене на противоположной стороне города, где я могу отдохнуть и открыть кальян.

Посетитель получил удостоверение у канцеляриста в том, что он действительно состоит членом партии «Зеленого Яблока», и вышел вон. Тот, кто пожелал бы следить за ним, узнал бы, что он направился прямо к восточным воротам города, по дороге купил себе дешевое, но привлекательное и затем направился по дроге к касе для прохожих.

— Что надо?—спросил на кордоне.

— Я член партии «Зеленое Яблоко»,—отвечал незнакомец. Кордональный офицер сделал под козырек и спросил, чем он может служить.

— Находится ли в нем який Мурад, по-саженный за устройство забастовки грузчиков в порту?—спросил незнакомец.

— Грузчики, в числе семерых, сидели здесь неделю тому назад, эффици,—ответил офицер.

— А теперь где они?

— Из должности были судить в Истикляль-Мехмекеси, но накануне они пытались бежать и расстреляны часовым.

Все семеро, до одного!—спросил незнакомец.

Несомненно,—с гордостью сказал офицер.—Из этой ямы, где находящиеся под моей охраной, бежать невозможно, эффици. А вам надо было удостоверить личность этого Мурада?

— Да, меня присягали «Зеленое Яблоко»,—послышалось ответом незнакомца и повернулся обратно. Выйдя в голову песчаную стель, незнакомец сел на пригорке и долго присидел, уткнув голову в руки.

— Да же ты, друг мой и брат мой, Мурад!—бормотал он.—Извини, я правду твой за- стрелил чайка? Нет, это было ошибкой. Но если это и так, то—грох за кровь. Я знаю, что ты похвалил бы меня за это. Большая зора вини лежит на мулле Раххиде, и он за нее ответствует.

Наконец, Орган,—так как это был именно он,—встал и пошел в город. Там пристани,

не зная другого заработка, он нанился в грузчики винов. Его узнали другие грузчики, помчались назад битым подбородком, но никто из них не понирался узнать, где Орган про- падал все время.

Организация была разгромлена, и он тосковал, не зная, что делать, пока в одну из суббот не решился.

Орган надел свое лучшее, нерваное платье и отправился в кафен. Бывший мулла сидел в углу и играл в шашки—с самим собой.

— Эте,—бормотал Раххид,—авт в языму и загони ее в угол,—что тогда будешь де-

Раххид, вытикал глаза, с ужасом смотря на него и словно ничего не видел. Судорога заливалась.

Эффици нездоров, позовите врача,—крикнул Орган слуге и вышел наружу.

— Если вы волок, так и я умею кусаться,—зародил сказал Орган про себя.—Но Измаил еще и не то будет.

Так оседдал Орган, прозванный Гарифом, предательский хвост Серого Волка—прото «Зеленое Яблоко».

10. В О В Л К В П О Г О Н Е З А Л И С С И Д

— Итак, право- ные,—кричал сопевший осиними головами человек в французской одежде, воротничок галстука,—теперь вы убедились, что пруссаки—Кемала—это путь «чести» (важней, светлой). Это путь победы.

Смотрите, правильные, уже Стамбул занят войсками на море!

И человеческое тело—носко махнул рукой и северо-запад, сломав вправду слушателей, разглядеть за три версты Константина.

Уже краиной боязни Вахидин, к гвардии рассчитывали, на держку аскеров, эти наутрый весь народ и нация даже на лицах своих друзей зияла.

А Мустафа-Кемаль озывает в новой стране, великом циональное собрание, которое закрепило стигнутые победы. Велик аллах. Но его племянник, Мустафа-Кемаль-паша, тоже вел и стоит на третьем месте, считая на престороне. Мухаммед...

— А вы же Кемаль принес беломунаризму?

— Да, я же Кемаль принес на берегах Европы чай—голос из срены слушателей, пившихся чай-чай, голос на берегах Европы.

То же, что и всем: свободу!—горделиво воскликнул человек.—Разве султан Вахидин не послал к вам сборщиков ашара, которые выколачивали из вас денежки пальцами и пыжом? Разве не или вы на виселицу за каких-нибудь свободное слово? Разве мало народу утонул в волнах Босфора?

— Султан посыпал на воину, и Кемаль вспыхнул на воину. И неизвестно, когда кончится эта новая война,—продолжал тот же голос, потому что он был слышен, во Фракии эпизод все еще теснят нас. Между тем, жизнь спасалась все дороже, и облегченный бедному члену не видно.

— Кто это говорит? Кто это говорит?—вскинул человек, нагибаясь, чтобы лучше разглядеть.—Кто смеет говорить такие слова? Знамя Ангры уже развернулась над Стамбулом, гази Мустафа-Кемаль заставляет эпизод писать почетный для османского мира, и я же сам время какая-то преследуя чекаха зиявает на глязки жизни!!! Позор, правероятно! Дайте мне взглянуть в лицо тому человеку, кто это сказал! Распуститесь!

Толпа расступилась, но в середине оказались члены, члены которых!

Еще раз распуститесь!—надрывался член.

Толпа расступилась еще шире, и пустое место становилось все больше.

— Ага,—с удовлетворением пропел член.

— Такие вещи можно говорить из-за угла, но открыто сказать никто не посмеет.

— Да, потому что ты сейчас же отправишься в имя для прокаженных,—со злостью продолжал тот же голос из самой гущи толпы.—И еще хорошо, если вступится Истикляль-Мехмекес, чтобы с почестю отправил на виселицу.

— Истикляль-Мехмекес казнит контрабандеров!—с яростью крикнул человек, и напряжение манишки высокочила из-за его лягушки.

Орган нарочно поддавал бывшему мулле шашки.

латать? А, ты так! Тогда я так! Тогда... я так... Тысячи погибли дамки. Гм, в таком случае...

Семье-аль-адейном, старший член партии «Зеленое Яблоко», всхлипывал Орган.

Я пришел сказать вам уважение,—ответил Раххид.—Когда вот так играешь сам с собой—наедине, то глубже постигаешь таинства игры.

— Не угодно ли вам сыграть в шашки со мной?—спросил Орган.—Когда-то в солдатах я научился этой игре, и хотела это было давно, я помню ходы. Да подайте нам две чашки черного кофе.

Кофе был позы, и собеседники углубились в игру. Орган нарочно поддавал бывшему мулле шашки.

Да ты совсем не умеешь играть, почтенный,—с досадой всхлипнул Раххид.—Тебе как пристало играть со мной в шашки, как ослу—служить?

— Я никогда не видел, как они служат одиени,—смущенно ответил Орган,—но ваши изречения настолько сладостны, что могли бы быть записаны тонкой иглой в уголок глаза. Еще одну партию, о, старший член партии.

— Ставка?—спросил Раххид.

— Десять лир,—ответил Орган.

Игра началась. Обдумывая каждый ход, Орган мало-по-малу поставил противника в тупик. Бывший мулла задумался.

— Еще одна кофе,—приказал Орган, и, когда кофе был принесен, воспользовался задумчивостью Раххида, чтобы вложить в кофе порошок, полученный от дяди Абдуллы.

Ага! Твой ход!—закричал бывший мулла, сделав удачный ход и прихлебнув кофе.—Чем ты не вывернулся?—и десять лир мои.

— Это еще известство,—ответил Орган и сделал ход.

— Гм,—промычал мулла.—Это интересно... Это... это интересно. Но если я... если я...

Раххид откинулся назад, побледнев.

— Что с тобой, о, старший член партии,—вежливо спросил Орган.—Не хочешь ли выпить воды?

Но бывший мулла не отвечал. Он склонил голову, закашлялся, и его тело стало судорожно вздрагивать, пытаясь извернуть яд.

— Партия проиграна?—спросил Орган.

¹ См. «Смена» № 18, 19 и 21.

— А кто заседает на ангорском национальном собрании? Бедные люди, что ли? — с издевкой продолжал тот же голос. — Как бы не так, правоверные! Купцы да помещики, — те самые, которые угнетали нас при султане!

— И ты смелы поносить национальное собрание! — крикнул человечек и прыгнул с бочки, на которой стоял, прямо в толпу. — Растигнулся, осмелился, давай мне выдергать ему бороду по волоску!

Осыпавшиеся «расступились еще и еще раз, отшатнувшись так и не нападя!»

— Тру! Презервана сабаси! — брызжа сплющим кричал человечек. — Где ты? Где ты? Позови свою чиновную лицо, чтобы я мог в него плюнуть! А ты, не осмелившиася! Тру! Тру! Тру! Тру! И отец твой тру! И дядя твой тру!

Но из толпы выступил Орхан, прозванный Горбонским, —крикну:

— Не смей касться памяти моей жены, проклятый!

Пихнув «человечку» кудаком в грудь, вскочил на балюстраду набежерной, пригнув «вини» и покатился по песку прямо в море.¹

— Держите его! — завопил человечек. — Держите! Это агент сultана! — подоспал энглийцы! Он подкуплен греками. Он предатель. Держите! Он изменник! Догоняйте! Он сабаси, и его отец сабаси, и дед его сабаси...

Докатившись до моря, Орхан вскочил на одну из оснащенных флагом, оттолкнулся ею от берега и принялся дергать за веревки, чтобы нападти парус. Толпа с интересом наблюдала за ним из-за балюстрады.

— Что же вы не донесите его? — отчаянно кричал человечек. — Ведь он убегает! Наладит парус и убежит. Он, осмелившися порицать революцию, Кемали и национальное собрание...

— Мы что-то не слыхали, чтобы он поносил революцию и Кемали, — заметил угрюмый голос из толпы. — Он говорил больные о бедняках...

— А, так и вы за него! — угрожающе рявкнул человечек. — Хорошо же!.. В таком случае я обращаюсь к помощи революционной полиции. Полиция! Полиция! На помощь! Здесь оскорбляет революцию.

Высокий и статный, оставшийся от султанских времен, полонийский меленчик и важно пребывающий к-то из энглийцев отстранил рукой нескольких оборванцев и положил к человечку. Чем могу служить, эфенди? — спросил, он, прикладывая руку ко лбу.

— Нет, — пытаящийся сейчас уйти на флаге в море, оскорбляя национальное собрание! — пыхтя от ярости, крикнул человечек, направляя выскошившую манишку.

— Национальное собрание? — переспросил полонийский. — Это чрезвычайно важно. Вы дадите показание в революционном участке, эфенди, и я пропущу вас последовать за мной.

— На что мне ваш революционный участок, если преступник, несомненно подкупленный энглизами, сейчас ударят, — с досадой ответил человечек. — Необходимо организовать погоню за ним. Я сам готов следовать за вами, если вы сумете организовать погоню.

— Но сначала, по правилам, вы должны дать показание, — важно взорвался полонийский.

— Да что вам бекшеш, что ли, дать, чтобы мы немедленно пустились за ним в погоню? — спросил человечек.

— Революционная полиция и бекшеш—две вещи несовместимые, эфенди, — с достоинством ответил полонийский.

— Ха-ха-ха-ха, — всхлипывало захотевший толстый горбовец, стоявший рядом. — Ха, — ха-ха-ха!

— Чему вы смеетесь, ходите? — теряя самообладание, спросил полонийский. — Ваш смех звучит оскорбительно для моего уха!

— Нет, я так, — сквозь смех сказал горбовец. — Уж очень смешно это приятство управляться с парусом.

Действительно, с парусом у Орхана не клепались паруса то сморшился и сиротливо прижался к маечке, то падал вин; флаги то наносило на берег, то склегка покачивало на волнах. Орхан был че-

ловек сухопутный и с парусами иметь дело ему не приходилось.

— Так что же вы стоите? — извергал человечек, для убедительности пустив в хол последнюю остатки голоса. — Вы можете его взять голыми руками, — достаточно ухватить флаги за нос и пригнать его к берегу...

— Но по правилам, вы должны сначала дать показания, эфенди, — важно наставлял полонийский.

Тыфу! — отчаянно плыл человечек. — За мной, правоверный! Тот, кто поможет мне изложить неголя, получит четверть английского фунта.

И человечек, ухватившись за балюстраду, занес уже ногу, чтобы перескочить на насыпь, но в этот момент некое бородатое существо, прыгнувшееся, подобно клубку, на набережную, перепахнуло балюстраду и стремительно покатилось вин; прямо к флагелю Орхана.

— Дергай-и-и!, — завизжал человечек и ринулся вслед за бородатым.

Поникнув стадному инстинкту, толпа полезла через балюстраду и через минуту на набережной не осталось ни одного человека—все катились и сползали по песку к морю, к флагу, к Орхану.

Пока никто не бросался в погоню, Орхан еще думал, какое-нибудь укрытие с парусом; но как только он занедал бородатое существо, катившееся к нему сверху, и узнал в нем своего старого врага—муллу Раххид, Орхан, не раздумывая о том, как Раххид спасся от отравления, выскочил из флагог и пустился во всю прыть, бегом вдоль моря, по прибрежной гальке. Раххид, потерявший где-то чалму, с длинной развязывающейся бородой, скрывающей на солнце бритым черепом, понесся за Орханом.

Человечек, скатившийся вслед за Раххидом, прежде всего скутнулся лбом о борт прибитой к берегу флагог, всхлипнул, потер лоб и, неустраняя приправляя на белом машину мячком, запрыгал вслед за бывшим муллой.

Горбовцы, грузинчи и просто обгорчены, обрадовавшиеся различением, шумной и веселой толпой, с улюлюканьем и завыванием, то и дело скосыльявшая в воду, ударились бегом за предсводителями, вовсе и не думая о том, чтобы догнать Орхана, который им никакого дела не принципиал.

И только важный полонийский, заложив руки за спину, величественно наблюдал погоню из-за балюстрады, изредка прищурившись и прикладывая руку зонтиком к глазам—от солнца.

Орхан имел некоторое преимущество во времени: кроме того, он, несомненно, был более легок в беге, чем мулла и человечек—растяжение между ними незаметно, но верно увеличивалось; тем не менее, когда-нибудь должен был наступить конец, если, разумеется, преследователи не отстанут. Ища глазами, куда бы скрыться, Орхан заметил впереди невысокий минaret—на самом берегу моря. То были остатки старой, еще саладинских времен, мечети. Орхан склонился: преследователи отстали, но все еще поднимались вперед; издали толпа казалась огромной, кипящей, кипящей по желтухому песку, зеленою волной, пружиной из зеленого моря, тучей, предвещавшей смертью. Орхан, потративший много энергии на первые моменты бегства, выхлыдался... Что теперь делать?... мелькало в голове. И тут ему в голову пришла будничная мысль: укрыться в минарете. То что его могут там закрыть, как крысу в мышеловке, Орхану в голову не пришло, да и некогда было рассуждать, да и податься было больше некуда,—а без конца Орхан бежать не мог, несмотря на то, что ему приходилось состязаться с горными козлами.

— Эх, будь это в родных виноградниках! — пришло в голову Орхану на-бегу. Но вместо виноградников была мечеть и минарет, и Орхан решил воспользоваться ими, за неимением лучшего.

Старые, ошмельые камни скрудились у полуразвалившейся лесенек, у входа в минарет. На Орхана нахмурилась сырость, мохом, прохладой. Вбежав в подложные минеты, Орхан остановился: обычной витой лестницы не было. Орхан находился словно на дне колодца; на верху было видно синее небо. «Недолго думай, мальчик», — каркасало по высунутым камней; то и дело изогнутые руки срывались громадные, летучие мыши, таскающие гаргульи... Но однажды из устнов Орхан чутко был не обгорялся: помогли ухватка горца, долголетие наивного горного охотника из зомб, своеобразная ловкость анатолийца, родившегося в горах.

И в тот момент, когда Орхан достиг площадки музейдзана (турецкий лялька), к подножию минарета хлынула бурная толпа.

— Слезай, проклятый отравитель! — запыхались, завывали Раххид... Слезай, а не то я сплюшь тебя своими руками, чтобы утопить в море...

— Слезай, изменщик! — надрывалась вслед за ним человечек в манишке.

— Слезай, предатель революции! Слезай, оскорбитель национального собрания. Слезай, подкупленный энглизами.

И толпа завыла, улюлюкая и пересмеиваясь:

— Слезай! Слезай! Слезай!

— Почтенный ходжи Раххид! — закричал в ответ Орхан. — Ты пронграл партию, чего же тебе нужно? А ты, эфенди, в французском плафте, чем же тебе обидел или оскорбил? И ты все, почтенные, чего же вам от меня надо?

— Слезай! — взвыла толпа, оклеветанная стадным инстинктом... Слезай-а!

— Я не слезу, — ответил Орхан. — Слезай сам! Только знаите сами! Только знаите, что всякий, кто сюда полезет, ответит за это смертью.

Снимайте сами! Только знайте, что всякий, кто сюда полезет, ответит за это смертью.

я говорю вам, бедняки: соединяйтесь, чтобы свергнуть власть богачей и занять их места и поделить их имущество и жен. Я такой же белезин, как и вы. Я тоже долго верил во всемогущество аллаха и его представителя на земле — султана. Теперь я убедился, что все это обман. Потом я служил Кемалю, и чем он отблагодари меня за это? Я такой же обворованный, какими были мы супруги! Мало того, моего друга Мурзата и меня такси экипажи в лицу для прохожих. Я спасся, а мой друг — брат, принадлежавший к коммуне, погиб. Тогда я думал, когда власть будет в ваших руках, бедняки, тогда вы сможете зажечь счастливый! Только тогда...

В этот момент Орхан заметил, что подсаженный юк-ем из толпы бывшего муллы Раххида вскарабкался на линийский выступ мечети и довольно ловко для старика спешлился за выступами камней, избираясь все выше и выше.

— Вот попозже ко мне сюда «Зеленое Яблоко», — крикнул Орхан.— А знаете вы, осмелились, что такое «Зеленое Яблоко»? Это ловушка, устроенная богачами для бедняков. Они говорят, что это коммуна, но это коммуна лживая и выговаривая только для богатых. И кроме того, какая это коммуна, если в ней участвует старый вор и обманщик, мулла Раххид, которому, должно быть, надела жажды, если он лезет сюда? Я сейчас угощу его зеленым яблоком!

Толпа молчала и с интересом наблюдала за Раххилем. Тот был уже в расстоянии трех-четырех метров от Орхана. Орхан с трудом отважился от стены громадный камень, весь обросший темно-зеленым мхом, и подвинул его на край площадки.

— На конец-то я тебя изловлю, проклятый отвратительный, — задыхаясь от ярости, крикнул Раххид.— На конец-то я сброшу тебя в море!

— Получай «зеленое яблоко», — ответил Орхан и, упервшись обеими руками в камень, толкнул его вниз, — так приходилось ему иногда сшибать в горах английских козлов. Камень, словно в неспешном полете, скользнув по краю, плоскими и стремительно, сошел с края и, рухнув вниз, бывший мулла, перекувырнувшись, в воздухе, безмолвно упал к ногам толпы. На голом черепе пропустила кровь, и через секунду заглядела.

— Правоверные, нет это убийство!, — завопил человек в манишке.— Это — хуже из преступлений, совершенных этим негодяем! Оружия, лестницы сюда! Окружите минарет со всех сторон, иначе преступник уйдет!

Воздухущенная волна крови толпа окружила минарет; кое-кто полез было на камния краху, но Орхан подвинул к краю плащадки еще несколько камней, и смельчаки отступили.

— Стерегите его здесь, правоверные, — распорядился, между тем, человечек, — я же сбегаю в город за конными солдатами и лестницами.

Несколько человек отправились вместе с ним в город; остальные кричали, смеялись, узкоякоши, и, видимо, не собирались уходить; положение становилось критическим; несколько раз Орхан пробовал заговорить, но его перебивали смехом; между ним и толпой лег труп Раххида. Орхан тщательно осмотрелся кругом: все пути, все выходы, все дороги к отступлению были заняты врагами. Оставался только один путь, но о нем, пожалуй, не

стоило и думать: обрывы и под ними зелено-синее, волнившееся море. Плавал Орхан очень плохо, да и куда он поплынет?

— Пароход! Французский пароход! — крикнули в толпе.

И верно, окутываясь темносерым дымом, вдоль берега шел небольшой пароход.

Сторожившая Орхана толпа с интересом его разглядывала, перекидываясь шутками и замечаниями.

Всматриваясь в дорогу к гороту, Орхан заметил на ней какое-то движение: не было сомнения, что человек ведет подругу, — веяние всего — вооруженного.

Раздумывать и выбирать было некогда,—Орхан оттолкнулся от края плоскости музданы и принырал вниз, на обрывы, ведущий к морю: в горах ему приходилось проделывать еще и не такие призы...

— Держитесь, держитесь! — раздалось со всех сторон.

Но Орхан в новом отчаянном призыре уже д letел вниз, в море, прямо в его зелено-синие волны. И зелено-синие волны расступились прозрачно-водными стенами и скрыли Орхана с головой.

— Человек за бортом! Отдать трофеи! — раздалась резкая команда на пароходе.

На мгновение вынырнув, Орхан судорожно, жадно, в последнем усилии до самого конца легких набрал воздуха, забил руками и ногами по воде — и в этот момент прямо по лицу Орхана хлестнула завязанный узлом конец каната. Орхан ухватился за узел руками и тотчас же почувствовал, что его тянут вправо. Еще немножко, еще, и Орхан уже висел в воздухе, у пароходного борта.

— Тысяча джиннов и десять тысяч бахарисов! — раздался знакомый голос над самым Орхановым ухом. — Да это, кажется, доблестный Орхан?! Как ты сюда попал, сын шестнадцатого паука и туфи Мухаммеда? Ну, лезь, лезь, — здесь ты найдешь хороший прием и все, что подлежит твоему званию и сану.

И изумленный Орхан нос к носу столкнулся со своим другом Мурадом.

— А как же?.. — начал было Орхан.

— Да вот так же, — ответил Мурад. — Ты подумал, потомок пропавшей пророки, что Мурад может исчезнуть без следа? Я спасся от кордонной стражи, так же, как и ты, повидиму... Но не видим смысла говорить об этом. Знай, что ты попал к русским братинам, и тебе сейчас обещают, как следит. Дайте сюда ракин, братинки, а то мой приятель промок, как дохлая крыса!

— Трах-так-так, — затрещали выстрелы на берегу.

— Это еще что такое? — нахмурившись, спросил капитан парохода Сенторгфлота «Серебро». — Ничуть не чегти полосатые, барон на мушку? Прямо руль! Рудевой, барон! Вдаль дальше от берега!

И пароход, медленно повернувшись, открыл кубами пара и начал забирать ход из юго-запада.

— Они хотели меня поймать и убить, — сказал Орхан Мураду, — за то, что я проповедую коммуну.

В Е Т Е Р

Одного мы «племени»
Все, как есть, вокруг.
Здравствуй, ветер времени,
Ты мой лучший друг!

В кипящем с моря нам,
Флаги гремят с крыши
По путям ускоренным
Ты шумишь, шумишь...

Я и сам, раздраженный,
Заглушен, затянут,
Здравствуй, здравствуй, друг мой,
Нам один удел —

Здесь, в бетоне, в копоти,
В толще людей,
Петъ дружию ромкоте
Наших тяжких дней.

Видишь, город вольный мой
Ни устал гудеть:
Дамы меят волнины,
Плавают струи и мель.

Я и сам все пиши! вот
Лынь стихом к земле.
Чу, гудит грядущего
Шаг асфальтом лет!

Одного мы племени
Все, как есть, вокруг.
Здравствуй, ветер времени,
Ты мой лучший друг!

К. Яковчик

— Ну, это им не удастся, — ответил Мурад. Не будь я Мурад, прозванный Художником, если им это удастся на этот раз! Знай, Орхан, что я матрос этого парохода и состою под защитой коммуны! Пей ракин! Согревайся!

— Мы еще приедем! — закричал Орхан, хлопнув водой и пригрозив кудаком в сторону нарата. — Да, но мы приедем вместе с моном пружом Мурадом, и тогда мы вам расскажем, что такое настоящая коммуна!

— Потому что старики — всегда старики, а молодые — всегда молодые, — философски заключил Мурад, опрокинувши остатки водки к себе в горло.

С берега еле слышно доносились выстрелы, но «Серебро» полным ходом забирал все дальше и дальше из юго-запада.

Конец

На мгновение вынырнув, Орхан судорожно, жадно... набрал воздуха...

XV ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В КП(б)

1. Тов. БУХАРИН ДЕЛАЕТ ДОКЛАД О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ.

ЧЛЕНЫ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ДОРОГЕ К КРЕМЛЕВСКОМУ ДВОРЦУ, В КОТОРОМ ПРОИСХОДИЛИ ЗАСЕДАНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ: 4. т. ЧИЧЕРИН,
5. т. ВОРОШИЛОВ И УНШЛИХТ, 6. т. БУДЕННЫЙ, 7. т. КУЙБЫШЕВ.

2. Группа членов конференции во главе с тов. РЫКОВЫМ (второй слева) — докладчик о внутрипартийном положении и об отношении к строительству.

3. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) — т. СТАЛИН — докладчик о внутрипартийном положении и об отношении к строительству.

8. В Георгиевском зале слушают доклады по радио из Андреевского зала.

5

6

7

9. Группа членов конференции: слева направо: — т. БУХАРИН, т. МОЛОТОВ, т. УХАНОВ и т. УГЛАНОВ (секретарь московской организации).

НАРКОТИКИ, БОЛЕЗНЕННОСТЬ, ПРЕСТУПНОСТЬ

Д-р Б. САЧЕНКО

Наркотиками мы называем очень разнообразные, одурманивающие человека вещества. Нет ни одного народа, который не знал бы наркотиков и не злоупотреблял бы ими. Если европейцы в большинстве своем потребляют вино, водку, пиво и табак, то китайцы, например, увлекаются курением ои и я; первые, индуисты, курят чай и гауда; арабы, турки — та баком, манда — элеменом, бетеля, танджера — листьями кокса; негры — листьями кала и т. д. Даже народы севера, угрюмая природа которого, казалось бы, ничего не может пронести подобного в этом отношении, испытывают для самоодурманивания... настойку мухомора.

Интересно, что не только люди, но и животные часто обнаруживают большую склонность к наркотикам. Например, медведи и ежи при возможности очень легко приучаются к водке и вину. Лошади также чрезвычайно легко приучаются к употреблению спиртных напитков подобного вида. У муравьев замечено своеобразное пьянство и т. д.

Среди наркотиков важнейшими являются табак и алкоголь в различных его видах (водка, вина, ром, коньяк, пива, наливки, ликеры, различные суррогаты — ханки, самогон). Эфир, кокайн, марихуана, морфин распространены гораздо меньше. Спиртное лицо вызывает целый оазис! Появление о международном потреблении алкоголя дает приведенную выше диаграмму, где все напитки переведены на чистый спирт.

Причины такого необычного и обильного употребления наркотиков чрезвычайно разнообразны. Меньше всего имеет значение при этом вкус наркотиков. Наоборот: все первые пробы всяких наркотиков обычно никакого ничего, кроме отвращения, не доставляют: и первая рюмка

водки, и первая папироса по большей части сопровождаются обещаниями никогда их больше и в рот не брать.

Ведь что увлекает в наркотике? Влечет, главным образом, не искус, а таинственную, болезнестную, веселость, которую наступают после употребления наркотика. Влечет к себе одурманивание; при всяких тяжелых и неестественных условиях жизни это одурманивание и есть то самое «дение», что дают наркотики.

Стакан водки — и счастлив! Как тут, порою, удеражаться? А в одурманивании-то и есть вся беда...

Однозначной жизни, ее бесцветность и безрадостность на многих действует настолько угнетающе, что они готовы на что угодно, лишь бы* оторваться от опустошившей обстановки, опустивших дум. Отсюда недалеко и до преступлений из-за «мита забвения».

Но наркотики, к сожалению, притягивают не только эти ощущения. Они способны заглушить и чувство голода, и чувство холода, и даже боль, например, зубную. Правда, во многих случаях причиной развития алкоголизма молодежь является просто желание глуповатых подростков казаться заправскими «эрэсплами парнишами».

Но все эти причины, так сказать, личного, индивидуального характера, имеющие мало значения. Гораздо большее значение в злоупотреблении наркотиками все — таки принадлежит причинам характера социального, общественного.

Общественно-политический гнет, эксплоатация трудящихся, искусственно поддерживаемое невежество масс, невозможность активного участия в текущей общественной жизни страны всегда дают неискажаемые кадры различных наркоманов. Нельзя притом упускать из виду и то, что все это спасение, окунающее вдовцов ко всему еще и в высшей степени выдающимися эксплоатирующим классом. Ведь и водка, и

Индусские девушки надевают на себя вытканные дымы через болтуны.

ничко, и опий являются настолько крупными источниками дохода, что ими не брезгуют и благородные лорды, ни еще более благородные представители царствующих фамилий, как это мы видели хотя бы в Германии, где Гогенцоллерны, краеугольными камнями которых были привобретенные* народом в буржуазный гнет, не так-то легко исчезают. Да и при коренном изменении строя, как то мы видим у нас, отрыгки их остаются еще долго, и бороться с ними не легко.

Все наркотики без исключения есть яды и, главное, яды в высшей степени коварные и обманчивые. Возьмем, например, алкоголь. Вначале — такое приятное чувство теплоты, теплое и бодрости и силы! Но же на самом деле? А на самом деле как раз обратное... Как называют самые беспристрастные свидетели — инструменты — чувство тепла происходит после отсвертывания тела, а только от расширения кровеносных сосудов кожи и от выпотребления яда. Но от этого тепла и блаженства духа и своего занятия тела тело уже становится недостаточно. Недаром пьяные и замерзают, ведь у выпившего она оказывается меньше, чем у него же до выпивки. Еще серьезнее, однако, последствия постепенного или, как говорится, хронического отравления спиртом.

Постепенно раз развиваются потеря аппетита, появляются постоянные тошноты и рвоты (в особенности по утрам), боли под ложечкой, жажды, словом, то, что врачи называют катаром желудка. Желудок и кишечник страдают первыми. В дальнейшем всасываются в кровь, разбираются в организме и в таком виде продолжают свою злоключительную работу дальше. Заболевают печень, почки, сердце, кровеносные сосуды, парализуется высшее, что есть в человеке — его головной мозг. Даже уже подмечена нестерпимость, болезнливость человека выпившего: что у трезвого на уме, то у пьющего на языке. Эта болезнливость, этот пралив энергии есть просто напросто временный паралич течей частей нашего мозга, которым носят название задерживающих центров и которые являются как бы связующими звенями в общем мозговом механизме. И вот сделано и чего нечего... Отделение и буйство, и озорство, и хулиганство пьяного. Более тяжелые поражения мозга и нервов пьяниц выражаются уже в настоящих психических заболеваниях. О бедой горячке, конечно, слышали очень многие.

Злоупотребление кокайном, марихуаной еще чаще приводит к душев-

Женщина-иранка, раскуривающая «сес-мейнью» — четырехдюймовой сигару.

На пляже: английские модницы, курящие специальными женскими трубками для курортниц.

ным заболеваниями. Развиваются обмыны чувств и, как следствие их—бред преследования, сопровождаемый буйством с драками, убийствами и—самоубийствами.

Гораздо большее значение имеет однако созидающий вред, приносимый наркотиками. Само по себе употребление алкоголя в больших количествах влечет за собой различные заболевания рук занятого добыванием этих ядов и отвращено тем самым от работ гораздо более полезных. Сколько лечебных заведений заняты исправлением прямого или косвенного вреда, наносимого наркотиками! Для душевных заболеваний мы имеем следующую таблицу:

На каждую тысячу больных, заболевших от алкоголизма, было:

(Пруссия)

В 1911 г.	В 1912 г.	В 1913 г.	В 1914 г.	В 1915 г.	В 1916 г.	В 1917 г.	В 1918 г.
622	607	510	466	419	234	116	23

(Понижение зависело от запрещения продаж спиртных напитков в связи с войной).

А затем, несомненно, сокращение продолжительности жизни и зависимости от более частых заболеваний наркотиков? Сколько страшает и гибнет их от несчастных случаев, которые так часто бывают именно с «выпившими», теряющими необходимое чувство осторожности? Сколько гибнет наркотов от самоубийства? Вот яркая таблица д-ра Коровина:

1. Потребление водки,	2. На 10.000 умерших,
и на 1000 самоубийств	и на 1000 самоубийств
(в ведрах на "ушу")	(приходится:
0,1—0,3	4,6
0,3—0,5	6,7
0,5—0,7	7,7
0,7—0,9	14,5
0,9—более	82,6

Но самое страшное еще не это. Самое страшное то, что отравление наркотиками отзывается не только непосредственно на тех, кто их потребляет, но и на их потомстве!

В одном убежище для идиотов, слабоумных и эpilepticov на Франции из 2.554 человек, детей оказалось 41% детей алкоголиков и 12% зачатых в время опьянения.

Наконец, наркотики необычайным образом связанны с преступностью. С одной стороны, злоупотребляющие ими страдают слабоумием, всякие следки у них пропадают. С другой стороны, преступники, которые не были наркотиками, под влиянием наркотической пропаганды, быстро превращаются в наркотиков. Опять-таки сухие цифры с их ужасающим беспристрастiem говорят многое больше длиннейших рассуждений.

В Германии среди осужденных за хулиганство и преступления, совершенные ими, оказывается более двух третей наркотиков; среди воров, поджигателей и убийц—несколько меньше половины. В Соединенных Штатах среди осужденных

Печень погорельца человека.

Измененная печень алкоголика—сморщенная, уменьшенная в размере, плотная вследствие собственной болезни—«цирроза».

Повышенная преступность наркотиков вытекает из самых различных сторон действия наркотиков. Под влиянием острого опьянения человек теряет власть над своими чувствами. Иногда он бросается на избранную жертву, отравленную, отравленную могут перед ним проходить картины, не существующие на самом деле. Иногда он теряет собственную волю и покорно поддается всем наущенным опытных в этом деле людям. Здесь частично лежит корень тех растрасти и хищений, о которых я рано или поздно приведу даже недурных людей на скамью подсудимых: ведь «коготок уязвил—все птички пропасть! Однократная ошибка влечет за собой целый ряд новых ошибок». Дальше—больше: мы знаем, как меняется характер наркотиков, как постепенно спускаются они со ступенек на нижнюю ступеньку, падают в разряд «бывших людей»—тех, которых так жизненно описали целый ряд наших писателей—Помяловский, Гл. Успенский, Горький, Толстой.

Чайти!—воландская торговка посыпывает неизвестную рубку.

«Марафончик»—беспризорник,люжащий кокайн

Диспансер для наркоманов в Москве.

НА АМУРЕ

МИХ. СТАРОВ

Гольбы — коренные жители Амурского края

На Крайнем Востоке Советского Союза, отделяя его от чжаньцзинской Манчжурии своим средним течением, протекает, местами узкий и бурный, местами широкий и спокойный «Хэй-лудзян» — черная река, или, как его называют русские — «Амур».

Стремительный и дикий от слияния горных рек Шилки¹ и Аргуни², Амур принимает в себе Зею³ и Бурею⁴, прорывает Хинганский хребет, захватывает в себя мутные воды Сунгари, срывается в кругой дугой под ударом Уссури и оттесняет с южного отрогами «Сихоте-Алиня» «Хех-Цзяроя», прорывается к морю, впадая в Татарский пролив.

Дик и зловещ Амур при низовом ветре, когда его черная косматая грудь покрывается белой гривой барашков пены; даже прыщевые рыбаки, выросшие на его берегах, — голуби и те не рискуют перепроплыть через него, на своих досчатых лодках «гольбячек» и «долблех», легких как тростники «оморочках».

Зато в тихую погоду громадным недвижимым зеркалом лежит он в своих непроходимых, заросших тальником, изрезанных протоками, окруженных болотами берегах; июньское солнце искренно блестит в сплошной воде, создавая дикое, такое же марево.

Также дика и природа вокруг самого Амура; непролазные заросли тальника и колючего кустарника чередуются с кошкаником и болотной осокой, а по склонам сопок набегают к самой воде и пихта, и кедр, и манчжурская бересклет, и оплетенный дикими киш-мишем дубник.

Тучи комаров и таежного «гнуса» носятся над болотистыми берегами, одолевая не только человека, но и такого толстокожего зверя, как медведь, забираясь ему в уши, пасть и ноздри.

У самого же Амура мелькает иногда поползатия спущен Уссурийского тигра, пробирающаяся сквозь заросли за сабанами по густым зарослям, готового задрать и унести и крестьянскую лошадь и коровку.

Медведи и соболи, волни и коты, рыси и белки, лисы и еноты, маралы с их драгоценными пышами и кабарга с ее мускусными мешечками, — таков «жизненный» пейзаж этого края.

И не так давно, каких-то полтора года тому назад, в деревушку «Маго», тут же на Амуре, вернулся демобилизованный краснофлотец. Пожил, огляделся дома и потянула его тайга на

¹ Быстрые сибирские реки, дающие начало Амуру, протекают по исключительно живописным местам.

² Местное полудикое племя монгольского происхождения. Охотники и рыболовы.

охоту, ушел с берданкой, через пару дней принес серебристую лису, — сдал ее в Нижегородске на Амур в Союз за 2.000 рублей, привезенном ему немецким хозяйством; помол, здорово поставил избы-читальню, жененился... Тайга поддеркала...

— То же и с исключительными богатствами; если не встретишь самородков золота, то не потому, что их нет, а потому что много не исследованных еще мест, но кубики чистого серебра, собранного голыми руками на утесе «Серебряный», приходилось видеть неоднократно.

Недавно миновавшая военная гроза и интервенция на Д. Востоке заставляют Советскую власть держать на своей дальневосточной окраине вооруженную силу как скотухонную, так и речную.

В нескользких верстах от Хабаровска, среди сопок, в излучине Амура, где он снова выраживается после удара Уссури, расположена база Амурской флотилии — маленький обособленный городок с несколькими улицами и десятками домов, которые ночью вспыхивают светом, поддаваемым с местной электростанцией. Сельский совет, включая областную кооперативную ярмарку, баня, клуб, мебельная мастерская внешней стороны этого «городка-базы».

Две три сотни квалифицированных рабочих помогают флотилии отремонтировать за зиму, чтобы весной вслед за льдом и по сигналу «Букс» с флагманского корабля «А» на могла уйти в свой первый поход по Амуру, начать летнее плавание и летнюю учебу.

Низкобортичные, черепахо-образными чудовищами с торчащими в разные стороны тяжелыми орудиями лежат канонерки на широкой груди старика Амура.

Раздался сигнал горниста, команда разбегается по местам, застраиваются люки, зафыркает пузырь, под дядя, прислушиваясь к уродливому дяде, начал обшаривать горизонт. Снова сигнал, хоботы пушек поворачиваются в сторону неподвижного и предполагаемого врага, заадрали к небу, уперлись в него своими черными мрачными дарами.

«Первое орудие... залп!» —ухнуло разорвало воздух, блеснуло зелено-ватным огнем, обдало жаром, ударило, как кулаком по ушам, зачихалось вверх и назад, выплюнуло черный горячий спускот, который сверялся с визгом воздуха проносившимся над острыми и, подмыая столб воды и ила, удалился в цель.

«На поражение... — закивали своими хоботами, заплевались, захуяли наперебой одна перед другой пушки, опоясавшись огнем борт канонерки и запрыгали белые фонтаны воды и песку там, где находится «враг».

Поднялась с острой потревоженной цапля и смешно закувыкалась, захваченная вихрем предположенного снаряда.

Снова сигнал. — Отбой боевой тревоги — пушки разрываютются на места, чистятся, убираются в приналежности, скатаются на палубу и, на конец, желанный сигнал: та-та-ти-та-та-та-та! — команда с баками бежит за ужином, и тут же на палубе живописными группами расположились краснофлотцы, поглощая горячее варево.

Быстро, по-южному, темнеть, прошел короткий вечер, все улеглись после трудового дня, только фигура вахтенного маячит на палубе, вглядывается в черноту ночи.

Стукнули где-то во тьме уключинчики, замутили весь по воде, вахтенного окликнет: «Кто греется?» — В ответ: «Мимо»; — и снова на палубу, уставившей и еще более грозной ночью — черепахи.

¹ Сигнал, обозначающий на морском языке — следовать за мной.

² Флагманский корабль — тот, на котором начальник отряда держит свой флаг.

канонерки ходят вахтенный, время от времени врезая в тишину сверкающей звездами ночь удэры колокола — бьет склянки...¹

На Флагманском корабле поднимается маече один за одним ряд сигналов, репетируются такими же гирляндами флагов на других судах, и в бинокли видно, как одна из другой опускаются на воду шлюпки, выстраиваются на одной линии против флагмана.

Сигнал, — ставится рангоут, поднимается в рузы, сначала они обивают бессильными белыми тряпками, потом набирают ветра, крепнут и вот уже белыми чайками в защитных брезентовых ками летят вперед.

Команда со всех судов не сводит глаз с шлюпок; у каждого корабля уверенность, что именно его шлюпки придет первой.

Крепя к одни борт, шлюпки отбрасывают корму одного из кораблей, на некоторое время скрываются за ним и снова появляются один за другим.

Победитель уже выясняется, несколько кипят в доволи, сноровки, смелости и любви к морю, как парусный спорт.

Снова на флагмане подымается гирлянда флагов, шлюпки расходятся по своим кораблям; парусов учено окончено.

Летний воскресный вечер, свободная команда съезжает на берег, в селенье, раскинувшееся под сопкой. Электрики наложивают проводку, сидят на распорках экран, будет кино.

Все население деревни, поголовно от привычки спать и спарах, привлечено к близости купальни матери, расположившейся на берегу у матери, — сидят на краю большинства из них не видевших никогда даже железнодорожного полотна — живые люди, которые ходят, прыгают и разгуливают немыми губами на попоте экрана, — почти налево-тво. Немного поодаль сидит группа рыболовов и охотников-гольдов.

В 10.000 верстах от Москвы, зрители дальней деревушки, с которой сообщение возможно только летом и только по реке, — смотрят из экран солитоны живых, немигающих от напряжения глаз. Перед ними и сам Всеесезонный спиральный бульвар, и впереди него — деревня села Карельской области, и поблизости находящийся стеклами круглых очков Сен-Катяма, тысячи московских рабочих, демонстрирующие с мозгами разевающимися по воздуху знаменами.

Кончились кино, донграл флотский оркестр, но долго еще не расходятся с берега зрители. Оживленно заговорили гольды на своем горячом языке, вероятно о больших шаманах русских и само большом шамане, у которого немного раскосые глаза, большой умный лоб и скромная могила под высокой зубчатой стеной в той большой деревне, где бегают телеги без лошадей, летят по воздуху страшные птицы, и которая от них в 10.000 верстах.

¹ Бить склянки — удары в небольшой юрткой сообщать время суток.

Открыта подписка

НА ЖУРНАЛ

С М Е Н У

на 1927 год

Попала по Амурю волна,—чешинская красная рыба, улов которой кормит не только местных жителей, но и приезжающих на заработки из-за Урала. Коту мы экспортруем на заграничные рынки.

Пашла ката, и все взрослое население двинулось на реку, одна из одной плывут к своим рыбакам лодки голдзов, для которых хороший улов обеспечивает существование до весны не только их самих, но и их собак. Сам голдз сидит на руле, гребут женщины и ребяташки, доверят управление лодке женщине, так же, как и белорусским поваром, голды не может туже ловить, как и женщины. Сами же лодки, спущенные рабочими с химиков, якобы скопированы с советскими, скопленные собаки, которые являются для голдзов: членами семьи и первыми помощниками в его кочевой охотничий жизни.

Заходил в одно из голдзских стойбищ—все избушки пустые, хозяев нет, остались только дряблые старинки—все остальные население на рыбаках.

В избушках маленькие окна, кани, циновки, давленые кипы на стенах и миллиарды тарелок.

В одной избушке на расстоянии окон стоило обернуться: чарка с разными арханами китаевской работы; спрашиваем голдзу-старину, а не боятся ли они что кто-нибудь ее украдет?—Гольз говорит нету, отвечает голдз и, действительно, у них еще до сих пор сохранились остатки перебоятного коммунизма, и воровство отсутствует совершенно.

Около другой избушки, под навесом, на куче мусора лежат деревянные чурки—гользские буги—старик голдз объясняет:

«Сейчас голдз нет, голдз молится не надо, тоже буги, голдз придет обратно, голдз-боги, мол-мало чисты, тогда молись.

Боги у голдзов существуют на все случаи жизни, а гробе их изготовление почти ничего не стоит, так как лесу кругом много.

Тут же вальяжит голдзское оружие—лук и стрела, уживаясь в биходе голдзов наряду с современными Винчестерами и двустволками «Зауэр», до которых голдзы большие любители и толк в которых знают.

Поздно вечером до-сыта наговорившись с голдзами на невероятном ломаном языке, возвращающиеся на канонерки.

Вернулась флотилия со своей летней учебы, со своего плавания, встали в затон, сковало ее ладом до самой весны, команды перешли на берег, но не замерла жизнь флотилии.

Теоретическая учеба выступила на первое место, полнокровные стали кружки, оживился клуб, вечерами над мудреной алгеброй стали сидеть краснофлотцы—слушатели школы повышенного типа, будущие курсанты Военно-Морского Училища, будущие командиры.

Переменила свое лицо и физкультура: коньки, выезды на лыжах пришли на смену плаванию, гребле, футболу.

Проверить свои достоинства решили отправкой в большой поход по тайге вдоль Амура трех лыжников краснофлотцев-комсомольцев.

Последнее краткое прощание, скрипнул снег под лыжами и три фигуры с винтовками за плечами

замелькали в облаке снежной пыли, подались трясины черными мухами на противоположную сопку, трясины сухими трескучими выстрелами отскакивали и скрывались из глаз. 720-верстный поход начался.

И вот что рассказали нам, потом участники похода...

Поднялся встречный низовой ветер, режет до боли глаза и лицо, но обличье не может, так как хорошо защищает толстый слой вазелина.

Один за другим, гуськом, осторожно обходя навороченные глебы льда и спрямляясь с комом снега, выскакивают из-под снега с бородами мелкие берега, занесенный снегом тальник, масса замерзших, выходящих на Амур проток, делает ориентиропку крайне затруднительной, запомнить же направление по летним походам вообще невозможно.

По очереди головной уступает свое место другому, идетсъ бодро, перебрасываются, несмотря на ветер и мороз, шутками.

Уже четыре часа в пути, по расчетам должны быть небольшая деревушка, не ее не видно, верно где-нибудь из заметных свернули с главного фарватера, стоящие деревниются крестьяне с сеном. Охотно показывают дорогу, обозначаются взмыли много левее и снона лыжники выходят на фарватер, ориентируются, берут направление и решают для сокращения части пути пересечь тайгу.

Пересечь тайгу это значит в густом буреломе по рыхлому снегу глубиной до двух аршин, среди тальника и кустарника, в малознакомой местности сделать исключительно трудный и опасный переход; но упросто комсомольцев-краснофлотцев победило и трудное.

Ночью пришли в тайге, никаких разговоров об избушке или палатке,—валежник есть, значит ночевать можно. Разгребли снег широким котлованом, натаскали веток и сухостою, за jakiли, и громадным эязом по тайге лизнул небо костей; прогрели землю, заварили чай, отталили пропизацию, поужинали, отгребли золу и угли в сторону, снесли на тайгу землю на котловане, чтобы место для спальни—а подполье разрезали кости из больших деревьев на всю ночь—чуткий сон забылся до рассвета. На термометре 32° ниже нуля.

После ночевки лыжи опять пошли веселее, начал стихать и ветер, накануне сделано около 50 верст—для первого дня достаточно.

Доходят до деревни—небольшой отдых, регистрация в сельсовете и снова в поход.

Встречаются с голдзами-охотниками, те недоумением смотрят на лыжников, а еще больше на их узкие длинные лыжи голдзы—сравнивают со своими широкими короткими, обитыми шкурой лоси и оленя, пробуют приглуши краснофлотских лыж, пута-

ются падают, смеются, пробуют на своих лыжах обогнать краснофлотцев и скоро остаются далеко позади.

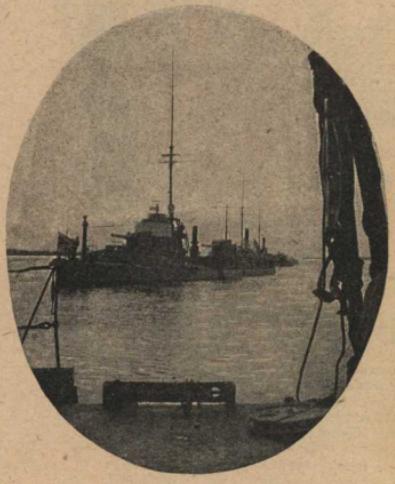
Лыжники нагоняют немного пропущенного времени, чтобы выдержать свою среднюю норму 60 верст в сутки.

Обратное возвращение по знакомой дороге становится уже посткаком.

Обыкновенное краснофлотское обмундирование: валенки, полупуки, рузвики, винтовки с патронами и 25—30 килограммами груза, в результате—по духам местам, по неизвестной дороге покрыто снегом семисот километров...

Врачебный осмотр лыжников после их возвращения не нашел ни одного дефекта, вызванного переходом. Загорелые от ветра и мороза, окрепшие от движений на свежем воздухе, вернулись ребята в казармы.

Так на далекой окраине Советского Союза, где протекает Хейбэй-Дзян (по-русски—Амур) и отделяет нас от Северной Маньчжурии—ээн-циолинской резиденции, где дикая природа и некоторые места мало исследованы, где летом нет толпы человека, но и зверя одолевает «гуси-кожа», где гигантские деревья пересекают сотни километров, участвует в совершенствующейся Амурской флотилии охваченная границы Дальневосточной окраины, так как много богатств таит в себе советский Дальний Восток, так как свежа еще в памяти интервенция.

ВВЕРХУ: Амурская флотилия на рейде.

ВНИЗУ: Колонны амурских краснофлотцев идут от затона к местечку на пароход в день 1-го мая.

О ГЕРОЯХ ФИНКИ

З. НОРОВ. Рисунки М. ХРАПКОВСКОГО

В кабачках Парижа, где прожигает жизнь золотая молодежь, пользуется большим успехом танец «апаша». Танцор с зверским видом и угрожающими телодвижениями поносится вокруг партнерши—изображает убийство, а публика захлебывается от восторга... «Апаш» — парижский хулиган. Мода на «апашей» проникла и в нашу страну: рубашка «апаш» — с отложным воротником, несомненно, ведет свою родословную от парижских потрошителей животов и карманов.

Но Париж вовсе не исключителен по тем язвам хулиганства, которые глубокой тангреной поражают квартали нищеты и веселые бульвары. Кто не видел стремительно появляющихся на экране героев трюковых фильмов, которые только и занимаются тем, что покушаются на изнасилование прекрасных девушек, избиение влюбленных и прочие злодейства? Родиной этих почетных фильмов является Америка. Сыщики, которые выступают в роли ангелов-хранителей, отличаются от своих противников лишь большой силой удара: их кулаки расшибают челости с монотонностью «часового механизма».

«Апаш», герои американской фильмы—хулиганы-профессионалы. Они уже распрошались с честным трудом. Их хулиганство не только попахивает бандитизмом: оно врастает в бандитизм. Огромное людское море оставил эти людей, с низкими лбами и выдающимися подбород-

ками, мутным осадком на дне больших городов. Жизнь-мачеха не приветила их, геройзм рабочей борьбы не открыил их отравленных алкоголем и кокаином сердца. Исковерканные капитализмом, они озлоблены и против буржуза (у него деньги!) и против рабочего (работает, дурак!). Но часто деньги буржуазии превращают таких хулиганов в свору бешенных собак, накидывающихся на рабочих: они составляют ударные батальоны фашизма, они с остервенением выпускают пух из перины время погромов, они за сходную цену проделывают самую грязную работу контрреволюции:

У нас хулиганство имеет совершенно иное обличье.

То хулиганство, которое воспроизводится в более узком масштабе хулиганство капиталистических стран и спускается к бандитизму, не имеет прочных корней в быту. Хулиган, для которого финка и каскет стали «орудием производства», у нас — белая ворона. Нет, он обычно имеет, профсоюзную книжку, а та и комсомольский билет, беззаветно увеличивает число прогулов на каком-нибудь заводе и умеет презрительно цепить сквозь зубы:

— Мещанство...

Танцор с зверским видом и угрожающими телодвижениями... изображает убийство...

Дерется он всегда, как мученик (за что страдали?), пьет горькую из-за скучи (душу разгулья негде), насиливает девушек во имя борьбы с мещанством (свобода любви); хрюкая и утопая в грязи, он жадно хватается за высокие и гордые слова, в диком сочетании, пляшущими буквами заноса их на свое знамя. Расплодился у нас «заслуженный» хулиган, который свое ухарство и озорство считает вопросом чести. Этот тип хули-

гана, покалывая, не ищет оправдания каждой отдельной выходке: эти выходки для него просто единственно мыслимый образ поведения. Не толкнуть женщину с ребенком, не пустить матом по адресу проходящей девушки, не бить в морду возражающих, не гадить, не ломать, не шуметь может только «шиляпа», «задыга», одним словом, никемный, достойный только презрения, отщепенец. Но есть и хулиган «случайный», еще не вошедший во вкус этого замечательного занятия. Чаще всего такой хулиган открывает себя после обильной выпивки. И какой-нибудь совершение мирный конторщик или рабочий внезапно становится на несколько часов грозой бульвара или мирного переулка, а наутро, высавившись, хлопает глазами от удивления, что очутился в милиции.

Хулиганство наше не брезгует ничем.

На первых ступенях своей школы хулиган деловito привыкает жестянку к собачьему хвосту, обливает из ведра соседской птичника. На высших ступенях он уже издается над двуногими без перьев. Жестянку заменяет финка, ведро с водой — гораздо более удобный кастет. Хулиган не без успеха начинает использовать уроки кинематографа, поддаваясь и потирая попадающихся ему на дороге мирных людей.

Лестница, по которой хулиган с дистанции лучшей удачи энергией взбирается к своему престолу — скамье подсудимых, многоступенчатая.

II

Вот фабрика «Красный Передовик». Название, соблазняющее на шутки, но мы займемся сразу вопросом по существу. Есть ли на фабрике хулиганство? Секретарь ячейки клятвенно уверяет, что хулиганства нет. Но не редкость — видеть у рабочих обвязанные грязными платками скулы, не диковина — наблюдать и то, как эти скулы сворачиваются дюжими кудаками.

— Но разве это хулиганство! Это просто драка своих со своими!

Очевидно, многие полагают, что хулиганство лишь тогда можно назвать хулиганством, когда оно выходит за стены предприятия.

Да и действительно, с определением того, что называть хулиганством, очень часто путаются. С одной стороны, хулиганством называют иногда грабеж, убийство, воровство, т.-с. преступление, явно выходящее за пределы хулиганства. С другой стороны, хулиганством именуют иногда обыкновенные шалости: мальчишка какой-нибудь

Но не редкость — видеть у рабочих обвязанные грязными платками скулы...

и дерево влезет, а его хулиганом назовут. По нашему мнению, хулиганство — это зорство, которое нарушает интересы окружающих, оскорбляет их и т. д. Но если быть не ради зорства, не ради драки, а для грабежа, для того, чтобы поживиться, тут мы встречаемся с определенным бандитизмом, и нечего утешать себя просторным словом: хулиганство. Конечно, хулиганство и бандитизм вовсе не отделены друг от друга китайской стеной. Но хулиганство — только дорога к бандитизму, а не сам бандитизм.

Хулиганы иногда, и очень часто, бывают комсомольцев. Не всех, конечно. Среди комсомольцев встречаются закадычные друзья хулиганов, которые делают с ними и лавры их побед, и их невзгоды. Но вот в Новосибирске хулиганы учинили форменный погром одной ячейки, направляющейся на демонстрацию. Почему? Откуда такая пруть? Да, ведь, тут хулиган боролся с теми самыми «шипашами» здравиями, которые ему, хулигану, пытались «перечеркнуть» книжкой, клубом мозолили ему глаза, клином врезались в его хулигановладение. Может статья, что ведь тут и известный привкус классовой злобы: ведь среди хулиганов имелись и выходцы из мелкой буржуазии. Но не надо думать, что всякий хулиган — это контрреволюционер, что по своим мыслям это — прихвостенье попов и наиманов и т. п.

О, хулиган может видеть в своем лице передового борца за самые высокие идеи революции!

Вот в Черновской ячейке, Тонкинской волости (Нижегородск. губ.), комсомольцы никому укрыли, продали, а деньги пропали. Если вы начнете их увещевать — они с гордостью отрекут:

— Религия — опиум народа...

А то вот в Малоархангельске, Орловской губ., секретарь одной из ячеек решил изгнать «мещанская стыд» из комсомольских рядов. Комсомольцы с этой целью устраивают во время купаний пляски голов в воде против того места, где купаются комсомолки.

Хулиганы этого типа сами дружно шествуют на демонстрации. Многие из них, вероятно, легко поддающиеся исправлению ребята. Но что поделаешь, когда на них взлояно столько обязанностей! и с религии бороться, и с мещанством, — поневоле голова кругом пойдет.

Но это — мелкое зорство. Это, так сказать, цветники. Вот, например, во Владикавказе, Бетлужского уезда, ребята пугают кур по ночам. Воруются в курятники, стоят всех курс на насеста — кудахтанье поднимется такое, что животики надорвать можно. Пере не подымается для того, чтобы послать ругательство или укор по адресу этих невинных искателей приключений... в курятнике.

Но хулиганство быстро достигает своего венца...

Вот в Ярославской губернии хулиганы проводят праздники «подгорья»: врываются в клуб целой оравой и начинается потасовка, — бьют всех, кто подвернется под горячую руку.

Вот орловский крестьянин Борняков проводит с прелодеваниями, которые ему приходится переносить со стороны хулиганов. Выезжает Борняков пахать: хулиганы, вооруженные железными лопатами, бутылками и т. д., нападают на него, как на дикого зверя. Выезжает он в поле вику сеять — хулиганы отнимают семена и сжигают их.

Девушка чаще всего становится жертвой хулиганов. Тут и приставанье, и материнша по адресу сопротивляющихся, и самые отвратительные, возмущающие все существо, сцены насилия. Надо сказать, что именно в отношениях с девушками комсомольцы часто не только идут в ногу с матерями хулиганами, но даже пытаются переподогнать их.

III

Хулиганство — только краешек той жизни, которая сложилась и складывается на рабочих окраинах, в селах и городах. Антенны радио, подхватывающие и приносящие к уху подростка и юноши вести со всего мира, лыжи, скользящие по снежным сугробам, футбольный мяч, взлетающий над головами участников матча, истрепанный и захватывший заскорузлыми пальцами томик Ленина в заводской библиотеке, — мало ли их твердых и ярких указаний на то, что и иная, озаренная бодротой и сознанием класса, жизнь растет рядом с хулиганским чертополохом!

Немощный, стоящий на краю могилы, инвалид страшится всякой царянины, всякой прыщицы, видя в них предсторегающую руку смерти. Победоносно, вступающую полосу расцвета своих сил, пролетариату не зачем стыдно прикрыть отдельные свои болнички. Они — невинна, а беда наша. А с бедой мы справимся, если только будем знать, в какуюточку быть, по какой линии направить свои усилия.

Есть у нас Фомы неверующие. Они задолбили, что всякое бытовое явление вытекает из социально-экономических условий времени. А раз так — то и хулиганство нужно отнести по этому же ведомству. «Не было бы ипса, не было бы и хулиганства; придет к коммунизму, и хулиганство исчезнет». Такие рассуждения совершиенно ошибочны. Ведь мы таким образом попадаем в закодолованный круг: хулиганство исчезнет только при коммунизме, но это же хулиганство тормозит создание коммунистических отношений между людьми. С какого конца начинать? Коммунизм мы строим. И именно потому, что это строительство требует мужественных, вдохновленных участия рабочего класса, борцов — мы должны бороться с хулиганством. Можно ли это делать без немедленного перехода к коммунистическим отношениям?

Интересно послушать, как хулиганы обясняют свое поведение.

Костромская газета «Смена» поместила на своих страницах ряд таких признаний: хулиган Медведев говорит: «Да я не хулиган, а по пьянке разве не поскандалился?» Хулиган П. Пребраженский объясняет все «нервностью»: «Как заявку же драку, тут меня и затрясет». Н. Пребраженский хулиганит из моды: «А чего же не бузить? Мне всегда то восемнадцать годков». Во всех этих ответах есть одна общая черта: оправдание хулиганства, признание его чем-то законным, необходимым молодечеством.

Значит, хулиганы не чувствовали осуждения окружающих, не становились чужаками для остальных, если не успело им посетить раздумье, если ни разу не помолвили себе голову над вопросом о природности, о нозорности своего поведения.

Тов. Сосновский правильно выдвинул задачу «развенчания хулиганства». Не бормотать себе под нос самоутешения об обективных условиях, а полным голо-

сом указать на всю опасность хулиганства, на всю его противоречивость с новым бытом, беззабытно называть вещи своими именами. Стенная газета, собрание ячейки, общее собрание рабочих, каждый рабочий в отдельности должны стать для хулигана обвинителями. Хулиган должен почувствовать вокруг непоколебимое осуждение, и тогда народный суд и скамья подсудимых станут для него нетолько непримитивным столкновением с властью, но и настоящим позорным столбом.

Все ли это?

Нет. Надо, чтобы хулиганство потеряло также возможность быть привлекательным, чтобы его вытеснила «другая мода», «смода» быть в клубе, в спортивной кружке, на лекции... Надо высвободить нашу просветительскую работу из мундира, сделав ее более «свойской». Клуб должен пойти на уступки в своих планах и своих предприятиях текущим запретам молодежи. Пусть вначале будет большая танцпол и игр, но зато потом меньше хулиганства, чем наоборот. Давным давно сказано, что между запросами массы и работой комсомола образовались «важничини». Давным давно сказано, что эти «важничини» могут перерезать связи между комсомолом и рабоче-крестьянской молодежью, если во-время не устранит их.

Исчезли ли сейчас полностью и целиком ножничини в нашей клубной работе? Думается, что нет. Вот где лежит второй кит, на котором держится хулиганство.

Третий кит — известно, что земля держится на трех китах, поэтому третий кит необходим и хулиганству — это общее наше наследство некультурности, дошедшееся революции от склончившегося капиталистического строя. Тут переплетается и простая неграмотность, и крестьянское отношение к женищине, и огромный груз навыков, вырабатывавшихся под прессом полузвиного существования в условиях капитализма. Борьба за культуру в самом широком смысле этого слова зыбает почву из-под хулиганства, но она не противоречит и борьбе против хулиганства непосредственно.

В одной газете хулиганство объясняют «провинциальностью». «Есть желание освободиться от провинциальности», рассуждает газета, «и когда это не достигается, рождается неудовлетворенность. От этой госпожи рождается пустота, ибо нечем заполнить время и нечего делать, а умения делать еще нет. А пустота рождает зеленую скучу, которой себя и заполняет». Такая родословная хулиганства граничит с полным его опиравшением. Что такое «провинциальность»? Это то обстоятельство захолусты, которое вызвано оторванностью от основных центров страны, бедностью культурными силами, нитложным размахом работы и т. д. Разве есть иной путь перерождения подобного захолусты, кроме усиления работы по всем звеньям, кроме самого кропотливого и упорного «шагания по мелочам»? Конечно, нет.

И если «провинциальность» давит в какой-либо Тынтуракани, то почему хулиганят и на окраинах Ленинграда и Москвы? Нет, для хулиганства не надо подыскивать никаких высоких и гордых слов. Хулиган есть хулиган. Но он часто может отстать от хулиганского и доплыть до нашего, комсомольского, берега. Нужно сделать так, чтобы он стал таким пловцом и чтобы его не отнесло волной обратно.

“МЕРТВЫЕ”—НА СМЕНУ „ЖИВЫМ”

(К постройке автоматической телефонной станции в Москве) П. ЛОПАТИН

Живые автоматы—«телефонные барышни» за работой на станции, обслуживаемой старой техникой.

НЕБРЕЖНОСТЬ ИЛИ КАТОРЖНЫЙ ТРУД?

По данным этого года, на земном шаре насчитывается сейчас 24.576.000 телефонных аппаратов. Каждый час по ним в среднем производится более 50 миллионов телефонных вызовов.

Но думает ли кто-нибудь из этих 50 миллионов ежечасно разговаривающих о том, что происходит на телефонной станции? Знает ли он, в каких условиях работают те, которых называют «телефонными барышнями», к которым каждый из нас относится с заведомой неизрязью за их «общую медлительность и инебрежность». И для большинства, безусловно, окажется неожиданностью, что из громадной армии телефонисток (их в этом году насчитывается на земном шаре около 1 миллиона) добрая половина побывала в «的精神病院» и почти все больны неврастенией.

Причина этой профессиональной болезни «барышень»—их каторжный труд на телефонной станции.

В ЗАЛЕ ТЕЛЕФОННОЙ СТАНЦИИ

Необычный вид имеет телефонная зала. Параллельными рядами вытянулись в ней длинные столы. За ними сидят девушки и женщины и внимательно смотрят на вспыхивающие перед ними крохотные, как горошинки, разноцветные электрические лампочки.

Одни из столов немы: губы сидящих за ними барышень неподвижны. И только их руки, быстро мелькая, вставляют концы шнурков в маленькие, еле заметные, отверстия.

Губы других телефонисток в непрерывном движении. Они что-то шепчут в трубки, прикрепленные к ним на груди, и этот шепот образует какой-то страшный гул, то приливанием, то отливанием волнами распространяющийся по просторам залы. И все это-ton в трескучем шуме, который получается от непрерывного передвигания шнурков, лежащих перед телефонистками.

Вот первое впечатление от телефонной станции.

«ГОВОРЯЩИЕ»

Коммутатор также состоит из вертикальной и горизонтальной плоскостей. На вертикальной—все номера телефонной станции. Она напоминает своим видом медовые соты с пустыми маленькими ячейками, величиной с дробинку. Каждая ячейка—телефонный номер, и расположены эти номера не по порядку, а по очень остроумной системе, напоминающей расположение букв в пишущей машинке.

Освоившись с этой системой, «коммутаторская» телефонистка быстро разбирается в этом поле точек, и привыкает

«НЕМЫЕ»

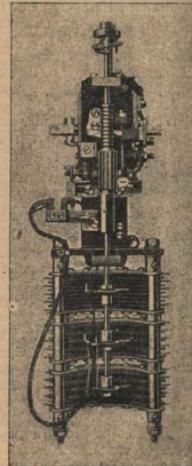
Когда вы снимаете с телефонного аппарата трубку, чтобы вызвать станцию и сказать ей нужный номер, вы прежде всего попадаете в распоряжение «немого» (распределительного) стола.

Стол этот состоит из двух плоскостей: горизонтальной и вертикальной. На горизонтальной лежат в своих отверстиях шнурки-проеходники. Вертикальная же вся усыпана крохотными, с пуговицами величиной, матовыми электрическими лампочками, еле выдающимися над уровнем вертикальной плоскости, а над каждой лампочкой—гнездо не более горошины.

У каждого абонента своя лампочка и свое гнездо.

В тот момент, когда снята трубка с вашего аппарата, на вертикальной плоскости вспыхивает ваша лампочка. Телефонистка, сияющая за распределительным столом, увидев загоревшийся огонек, знает, что ваш аппарат «вызывает». Тогда она берет из гнезда на горизонтальном столе шнур и втыкает наконечник его в углубление над загоревшимся огоньком вертикального стола.

Этим заканчивается работа «немой» телефонистки, о существовании которой большинство из нас да и не подозревает, но через которую проходят все телефонные соединения. Этим же ваш аппарат оказывается соединенным с другой частью телефонной залы — с коммутатором — и попадает в распоряжение второй телефонистки — «говорящей».

«Мертвые» телефонистки — автомат, отыскивающий и соединяющий номера.

Вид автоматической телефонной станции, обслуживаемой «мертвыми» телефонистками.

рука почти механически находит нужную ячейку. Каждая сотня номерных ячеек занимает не более 20 квадратных сантиметров (2 кв. вершка), и несколько сот этих квадратиков образуют площадь, вполне достаточно руке телефонистки.

На горизонтальной поверхности и у каждого шиура—три крохотные пуговицы-лампочки.

Когда распределительная, «ненамая», телефонистка отправляет вас в коммутатор, перед «говорящей», коммутаторной, телефонисткой загорается одна из этих трех лампочек, дающая ей знать, что требуется ее работа.

Она говорит вам свой номер, вы говорите ей тот, который вам нужен, она его повторяет и в то же мгновение вставляет на конечник шнура, взяв его с горизонтальной плоскости, в нужную ячейку вертикальной плоскости. Затем повертыает к себе маленький рычаг звонка, находящийся у шиура, и абоненты соединены: у вызываемого вами телефонного аппарата раздается сигнальный звонок.

Если же тот телефон, с которым вы желаете соединиться, уже занят, то телефонистка, вставив ваш шнур в ячейку телефона, слышит характерныйющий звук и тотчас же отвечает вам: «занято».

Вот основная схема теперешней обыкновенной телефонной станции.

ГДЕ ЖЕ ВЫХОД!

В этом хаосе испыхивающих лампочек и световых сигналов, среди моря щепчущих звуков испытывают «барышни» свою тяжелую, нервную, работу. И если у «не-

мой» телефонистки условия труда еще более или менее сносны, потому что ей не приходится иметь дела с нами, то работа «говорящей» поистине катархна. Мало того, что ей приходится производить час в среднем до 170 соединений (почти 3 соединения в минуту), но ей в этой работе мешают мы сами, то пугая нужной нам номер, то несколько раз снимая и опуская телефонную трубку, то, наконец, возмущаясь и ругая нас в член неповинной телефонистку за то, что вызванный вами номер вам не отвечает.

Отсюда неудивительно, что в работе телефонисток случаются ошибки и что «барышни» при более или менее продолжительной службе становятся навсегда инвалидами, с расшатанной нервной системой.

Но как избавиться от всех этих недостатков телефонной станций? Выход один — заменить живых телефонисток «мертвыми», превратить станцию с ручным обслуживанием в автоматическую станцию с работой неошибающихся автоматов.

Подобного рода автоматическая телефонная станция строится сейчас в Сокольниках в Москве.

«МЕРТВЫЕ»

Работа такой станции крайне оригинальна. Как только абонент снимает с крючка свою телефонную трубку, тотчас же на станции приходит в действие соответствующий этому аппарату автомат. Задача этого автомата—это мертвый телефонистки — отыскать и соединить с вами второй прибор, так называемый «искатель».

Теперь вы начинаете вызывать нужный вам номер. Это производится таким образом. У каждого абонента на его телефонном аппарате имеется 10 кнопок с №№ от 0 до 9. Желая, например, вызвать № 593, вы поместите палец в отверстие кнопки с цифром 5, поверните круг, на котором расположены кнопки, до упора отпускаете его. Тотчас же этот сигнал передается на станцию и там ваш «исполнитель» отыскивает нужную ему цифру вызываемого номера. Приведи таким же образом операцию с кнопками 9 и 3, вы заставляете искатель соединить вас с нужным № и послать туда вызываемый звонок. Если же нужный номер оказывается занятым, то станция посыпает автоматически сигнал об этом вызывающему абоненту.

Внутренность такой станции совершенно не похожа на теперешнюю. По средине большой залы, по стенам которой стоят доски с прикрепленными к ним «мертвыми» телефонистками, за столом сидит только один механизм и следят за тем, чтобы все механизмы могли беспрепятственно исполнять свое дело. Вид на деятельность работы, но все мертвые, человеческая рука не прикасается ни к чему. Все движения совершаются быстро и беззвучно.

Такая техника раскрепощает тяжелый и нервный труд телефонных барышень. Происходящее теперь постройка автоматической московской станции в Сокольниках—первый шаг к этому у нас в СССР.

Будущее же принадлежит только автоматам—мертвым телефонисткам безусловно победят живых.

Свидание тов. Чичерина
с министром иностранных дел Турции Рушди-

Беем в Одессе

ВВЕРХУ. В Одессе на пристани матросы встречают. Над встречающими плакат с надписью на турецком языке: «Добро пожаловать!»
ВНИЗУ — встреча. Слева направо: Абен НКИД в Одессе Петрою, Шахтер Тиффия Рушди-Бей и Чичерин.

подЗАПЫЛЬНИК

ПОЛОВОЙ ВОПРОС

(Из монологов Васьки Шкворня)

Р. РОМАН, рис. В. СУТЕЕВА

Эж ехали по половому вопросу до конца нужен, так докладчик должен быть ответственный.

Скажем, я...

Груда! у меня категорическая, личность—по существу, нос—исчесывает вопрос, а язык всегда готовнести внеочередное заявление.

Так и быть, сделай бы.

Я бы сказала...

Товарищи! Каждое дыхание жаждет понимания, каждая пошевинт—длется.

Даже больше—каждый активист желает изъять кого-нибудь в индивидуальную обработку.

Что, товариши, означает такая азбушка? Эта плеяда обозначает половину вопроса, которому надо посвятить свою жизнь.

Другие докладчики начинают со всякой там теорий, а я рассматриваю вопрос с практической точки зрения. А тут вся суть в подходе к девчонкам.

Но девчонки бывают различные, в подход к ним должен быть разный. Есть девчонки, которым только скажешь:

Данай стройся, новый быт!

И тебе уже категорически назначается на точку зрения Колхозный.

Есть, однако, и другие, которые такому, можно сказать, буденовскому маттиуси не поддаются. Такие «неподдающиеся» тоже бывают разных систем.

Есть, скажем, буржуазные интеллигенты, примыкающиеся типа.

Ну, такой надо говорить так:

Товарищ, — говоришь ей, — ваши девчонки—стриженые и на них вы можете, может быть, смотреть, а вы знаете, что у меня от папо-го мещанства может заворот мозга сделаться...

Что тогда? Сперва сидит?

Век буду без ерниной перес ваше такое мечтание. Вы оправдываетесь, а вот, может, послезавтра из окна на трам-

вой линии брошуся, движение остановлю. А вы знаете, что такое останавливать движение? Трамвай чей?— рабочих. Движение чье?—рабочих, значит я рабочее движение останавливаю...

Ежели основательны запугать, так не выдерхнит.

Самый злородный, однако, тип,— это активисты. Те хотя и с портфелем бегают и кепки у них на вагонном смаэчика на прокат берутся, однако, им подавай надстройку и ни на какой базис они не соглашаются.

Ну, такие на оригинальные способы ловятся:

Товарищ, — скажешь, — еще в полиграфии Коваленко сказано: «Пролетария нечего терять». Ты пролетарка и тебе, значит, терять нечего.

А ежели этого мало, добавляешь:

Ты, — говоришь, — мой товарищ по работе, ты вместе со мной идеишипер, образум же с тобой предприятие последовательно социалистического тишина.

Есть, правда, которые на стихи клюют. Самое поганое это дело. Большая отчаянность нужна. Я вот фразами в этакий один весенний вечер возьми и прочти одной заряду:

Весна...

И солнце пляшет горном,
И пляшет тренака по строчкам—
Сашки Жаров.

А я иду
И думаю упорно
Себестоимости
Советских Товарищ.

Это спрашивается, — что?

— Мое, — говорю.

— Очень, — говорит, — приятно,

Александр Безименский.

В здоровую тогда я калочку сел, а поэтому мой совет: читайте стихотворения своих или Ивана Молчанова, их такое множество и такие похожи на стихотворения других поэтов, что все равно никто не

— Уже какими по половому вопросу доклад нужен, так докладчик должен быть ответственный. Скажем, я...

— Колька, спаси меня от этого хулигана!

И берет меня этот Колхоз в руки бережкою относит на площадь лестницы, и лежу я на манер знаменного короля экрана Чарли Чаплина на собственных салазках.

И сеши, наконец, на пол нижнего этажа, я понимаю, что половина вопроса, вопрос сложный... больной.

Да: Хоровий бы я доклад сделал! И главное—практический, деловой! Не то, что всякие там теории...

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

НОВАЯ КНИГА

КОМСОМОЛЬСКИЙ БЫТ

СБОРНИК

Содержание: Вопросы коммунистической этики и морали. Каким должен быть быт молодежи. Комсомольский быт, как он есть. С предисловием Е. Ярославского. Составил И. Развин. 357 стр. Ц. 2 руб.

Согласно я, что половозаводственный вопрос сложный... и больной...